

**WE STAND WITH
ISRAEL!**

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ



3 (35) 2025

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 3 (35) 2025

Бостон
2025

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(ФРАНЦИЯ)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(ГЕРМАНИЯ)
МАРК ВЕЙЦМАН	(ИЗРАИЛЬ)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
МИХАИЛ МИНАЕВ	(США)
АЛЕКСЕЙ НИКИТИН	(УКРАИНА)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(АНГЛИЯ)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(ДАНИЯ)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

Published by **M•GRAPHICS** | Boston, MA

ISSN 2575-9558

Copyright © 2025 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For obtaining permission to reproduce selections from this publication
email or call to the publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778
or editor-in-chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Дорогие читатели!

Как и в предыдущие годы, наш журнал выходит в свет примерно в середине первого месяца каждого квартала. Нашим подписчикам журнал будет рассылаться непосредственно из типографии. С 2024 года журнал выпускается также и в электронной версии (формат PDF), рассылаемый подписчикам этой версии по электронной почте. Подписаться на журнал (как печатную, так и электронную версии) можно в любое время до выхода последнего в году осеннего номера.

Важное изменение также касается версии журнала, выкладываемой на нашем сайте. **С текущего 2025 года полную версию выпусков могут читать только подписчики журнала.** Все остальные могут ознакомиться на сайте только с содержанием журнала и короткими отрывками из некоторых его материалов. Для чтения полной версии журнала нужно будет либо подписаться, либо приобретать отдельные выпуски года — по ссылкам, расположенным на сайте в разделе **АРХИВ НОМЕРОВ**.

Подробная информация о подписке на журнал — на нашем сайте:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА

Сотрудникам редакции журнала и издательства M•Graphics, готовящим журнал к публикации и печати, всегда важно знать, что о журнале думают его читатели, нравятся ли им публикуемые материалы и их подбор, а также оформление журнала.

Ваши отзывы о публикуемых материалах помогут другим читателям обратить внимание на те публикации, которые они по каким-то причинам пропустили и, возможно, послужат начальным толчком в написании своих отзывов на острые полемические материалы.

Мы также просим вас **сообщать нам о всех случаях** неполучения журнала или его поздней доставки. К сожалению, работа почтовой службы по-прежнему оставляет желать лучшего, но мы принимаем все доступные нам меры по исключению таких досадных сбоев.

<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-editor>

<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-publisher>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Михаил ГОНЧАРОК

ПОЮЩИЙ РАББИ 6

Амин АЛАЕВ

ФАМИЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ (ОКОНЧАНИЕ) 26

Борис САНДЛЕР

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ 55

Игорь САЛИКОВ

КРИВАЯ ВОЙНА 24/02/2022 67

ПОЭЗИЯ

Вадим ЖУК 16

Михаил КОВСАН 45

Эмилия ПЕСОЧИНА 105

Светлана АНДРОНИК 157

Ирина ЮРЧУК 167

Николай ЛОБАНОВ (Ник Эль Энн) 237

ИМЕНА В ЛИТЕРАТУРЕ

Ольга КУЧКИНА

ВОТ АНГЕЛ ПРОЛЕТЕЛ (ОКОНЧАНИЕ) 114

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Гари ЛАЙТ

О ЛЮДЕ, ВИТЕ И ВРЕМЕНИ... С ЛЮБОВЬЮ 176

Владимир СОЛОВЬЁВ-АМЕРИКАНСКИЙ

РАЗВЁРНУТАЯ МЕТАФОРА ГЕННАДИЯ КАЦОВА 186

ДАТЫ

Ксения ГАМАРНИК

ВСЕЛЕННАЯ ГАРРИ ПОТТЕРА (к 60-летию Джоан Роулинг) . . . 192

ПЕРЕВОДЫ

Тонино ГУЭРРА

ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ (ОКОНЧАНИЕ). 208

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Леонид РЫБАКИН

ЛЕГЕНДАРНАЯ МАРИЯ БАБАНОВА 245

Роза КОВАЛЬ

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ 278

ТВОРЦЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Яков ФРЕЙДИН

РОБЕРТО БАРТИНИ —

КРАСНЫЙ БАРОН КРАСНОЙ АВИАЦИИ 290

Михаил ГОНЧАРОВ ПОЮЩИЙ РАББИ

Как-то году в восемьдесят первом осенним вечером я сидел в гостях у своего однокурсника. Мы предавались чтению запрещённой литературы — в студенческие годы это было излюбленным нашим времяпровождением, не считая, разумеется, регулярных выпивонов и погонь за барышнями. Предвкушая интеллектуальное удовольствие, я открыл один из журналов, изданных там. Первое, что бросилось мне в глаза, была небольшая чёрно-белая фотография. На ней был изображён полный немолодой человек с полуседыми, отливавшими серебром кудрями, в руках у него была гитара. В сопроводительной статье речь шла о знаменитом «раввине с гитарой», выступавшем с концертом перед американскими битниками. Судя по лицам обкуренных волосатиков на снимке, битники были в восторге.

Мы в то время сами считали себя некоторым образом битниками, носили длинные волосы и сумки с «пацификами», зачитывались переводами Гинсберга, Ферлингетти, Корсо, рассказывали анекдоты о глупостях власти и паче всех видов службы на государство почитали работу в котельных. Поэтому статья, которую я держал в руках, сразу привлекла моё внимание. В ней, помимо прочего, рассказывалось, что человек с гитарой, с одухотворённым лицом мудреца и поэта — ортодоксальный раввин, знаток Талмуда, хасидизма, йоги и премудростей дзен-буддизма; это априори расположило меня к нему. «И мы не хуже Горация!» — помню, воскликнул я, и хозяин нашей подпольной избычигальни величаво кивнул.

Таковым было моё заочное знакомство со Шломо Карлебахом. Мне всю жизнь везло на знакомства с интересными людьми; самым для меня неожиданным был и остаётся тот факт, что судьба во многих случаях распоряжалась переводом знакомства из заочного в очное, — вероятно, с целью заставить меня рано или поздно изложить на бумаге подробности этих встреч. Может быть, даже для назидания потомству.

А может быть, и безо всякой цели. Возможно, это было из области игры в бисер.

Полный гордости за поющего раввина, испытывающего симпатию к восточной философии, я пришёл домой и рассказал о нём моей жене. Ира, несмотря на то, что сама относилась к кругам фрондировавшей ленинградской богемы, гордо именовавшей себя хиппи, тяготела к ортодоксальному христианству, и мой восторженный пересказ журнальной статьи не произвёл на неё особого впечатления. Совершенно не заинтересовал её и тот факт, что на одном из выступлений Карлебаха присутствовал сам папа римский и, судя по всему, утирал слёзы восторга и умиления, — Ира была православной. Тогда, помню, мы поругались; это был не первый наш скандал на идеологической почве, да и окончился он весьма обычным для двух молодых людей примирением в постели. Должен, однако, заметить здесь в скобках, что безостановочные идеологические скандалы мало-помалу раскачивали нашу семейную лодку и в конечном итоге привели к разводу, последовавшему через несколько лет. Впрочем, к теме нашего рассказа это не имеет особого отношения.

Я закончил институт (Иру вышибли уже со второго курса ввиду её нескрываемой принадлежности к молодёжной субкультуре битников) и ушёл в армию. Там не было особого времени предаваться размышлениям о раввинах, даже поющих, и о философии, даже восточной; тем не менее в моей армейской записной книжке хранился краткий конспект той статьи о Карлебахе — я специально сделал его однажды ночью, стоя в карауле, под завывания пурги и служебных собак. В том же блокноте хранились устав гарнизонной и караульной службы, стихи Цветаевой, а также древнееврейский алфавит — время от времени я перечитывал стихи и просматривал алфавит, чтобы в условиях солдатских будней не оскотиниться окончательно. Офицерам, обязанностью которых было рыться в прикроватных тумбочках рядового и сержантского состава в поисках запрещённых вещей, я говорил, что это финикийский алфавит, а стихи принадлежат перу Сергея Михалкова. Все знали очкастого Прохфессора как чудака-историка с верхним образованием, и меня никто не трогал. Начштаба, сильно пивший подполковник Молодченко, добрая душа, даже гордился тем, что в его части водится такой мудак, как я.

Ира на правах жены неоднократно приезжала ко мне, и добродушный начальник штаба, в зависимости от настроения, сопряжённого с уровнем похмельного синдрома, неизменно распоряжался о предоставлении

мне отпуска — однодневного, двух-, а иногда даже трёхдневного. Всякий раз он вызывал меня для того, чтобы черкнуть свою подпись на отпускных бумагах, и между нами происходил один и тот же диалог:

— Ну, Прохфессор, опять твоя баба прикатила? Хочешь отпуск небось?

— Так точно, товарищ полковник. *(Я именовал подполковника не иначе как полковником, этого требовали нюансы местной субординации. Подполковник, услышав о повышении своего чина, неизменно приходил в хорошее расположение духа.)*

— Я вот тоже хотел бы, чтобы ко мне приехала какая-нибудь молодуха. Страсть как моя Машка мне надоела. У твоей бабы есть какая-нибудь подружка? Мне бы поебаться. А так все местные бляди меня уже знают, и моя коза следит как гвардейский разведчик.

— Так точно, товарищ полковник! Есть!

— Ну вот, скажешь своей дуре, чтобы в следующий раз привезла подружку. Я тебе неделю отпуска дам! Понял?

— Так точно, товарищ полковник!

— Лады... Вот тебе справка. Ебаться — шагом марш! Ать...

— Так точно! Благодарю, товарищ полковник.

— Эх ты, Прохфессор ты, Прохфессор... Ну, иди.

Должен со стыдом признаться, что я так и не выполнил поручения начальника штаба. Правда, я всякий раз передавал Ирке его пожелание, но она фыркала и неизменно отвечала, что знакомых дам такого пошиба, чтобы ехали за тридевять земель трахаться с каким-то незнакомым подполковником, у неё нет и что ни одна уважающая себя питерская фри-лав из кругов хиппи не ляжет под военного — из принципа.

Кроме всего, сопутствующего встрече двух изголодавшихся молодых людей разного пола (о чём рассказывать здесь было бы безусловной пошлостью), мы проводили время за тем, что опять ругались. Мы ругались каждый раз, когда она приезжала. Я даже не помню, о чём именно мы спорили. О поэзии, о живописи, о музыке, о сионизме и диссидентском движении. О том, кто лучше — Пастернак или Цветаева, Вероника Долина или Галич. О крестах на шее и мезузах на косяках дверей. Одним словом, начштаба был абсолютно прав — только такие мудаки, как мы с моей первой женой, могли тратить драгоценное время армейского отпуска на выяснение этих тем.

Ира возвращалась в Ленинград, а я вновь припадал к армейской записной книжке и штудировал в карауле конспект статьи о Карлебахе, написанный ради конспирации буквами псевдофиникийского алфавита.

Потом я вернулся домой. Потом мы развелись с Ирой. Я встретил Софу, которая очаровала меня многим, перебрался жить к ней, а потом и женился. В те годы мы ещё почти не спорили...

Однажды моя новая жена принесла домой поразительное известие: к нам едет Карлебах. «Как? — вырвалось у меня. — Он ещё жив?!» Почему-то мне казалось, что все более или менее известные люди, о которых я читал в юности, давно уже покойники.

О таком явлении в среде непочтительной молодёжи позднее рассказывал и Городницкий. Я слушал его в Иерусалиме, а после выступления меня подвели к нему, и он рассказал, что как-то после такого же выступления к нему подошла молодая девушка, весь вечер просидевшая в зале, и сказала:

— Я всё-таки не могу поверить своим глазам. Вы и есть Городницкий? Городницкий, удивляясь, подтвердил этот странный факт.

— Знаете, — сказала девушка, — я выросла на ваших песнях. Я слушала их на магнитофоне. И мои папа с мамой тоже выросли на ваших песнях. И дедушка с бабушкой с молодости пели ваши песни, — и прибавила с оттенком неудовольствия: — Я думала, вы давно уже умерли.

— Как? Карлебах ещё жив?

— А почему бы ему не жить, если ему всего каких-то шестьдесят лет? — удивилась моя вторая жена. — Я уже заказала билеты.

Это было первое публичное выступление «поющего рабби» в СССР. На дворе стоял весёлый, подававший надежды май восемьдесят девятого года.

Мы пошли на концерт. Он состоялся в городской консерватории, в самом центре города. Мы шли и удивлялись, как всё быстро меняется в стране: ещё вчера песни этого раввина можно было достать лишь из-под полы, пластинки с записями его выступлений стоили диких денег, а сегодня мы идём слушать его «живьём», в солидном помещении, и в кармане у меня лежат настоящие билеты.

После первого отделения концерта неугомонная Софа сумела пробраться за кулисы. Тут нужно отметить вот что. В то время мы оба помогали приехавшему на гастроли из Варшавы еврейскому театру: сидели в аппаратной, Софа делала синхронный перевод тех кусков пьесы, где герои разговаривали на идише, а я, спотыкаясь, переводил вставки на иврите. Пользуясь привилегированным положением временных переводчиков при официальном иностранном театре, на концерте Карлебаха мы сумели проникнуть туда, куда обычную публику не пускали. Сам

Шимон Шурмие, директор варшавского театра, тоже пришедший на выступление гитариста-раввина, провёл нас к нему. Как оказалось, они были старыми приятелями. В коридорчике, ведущем из кулис в глубины консерватории, сидел на стуле, устало вытянув ноги, человек в жилетке с маленькой кипой на макушке. Рядом, прислонённая к стене, стояла его знаменитая гитара. Я узнал его по фотографии, виденной за много лет до этого в журнале. Нас представили как местных активистов. Карлебах с неожиданной лёгкостью вскочил со стула, довольно полное лицо его озарилось неподдельной радостью.

— Ну, — сказал он по-английски, — вы тоже хотите сказать, что не знаете, не помните, не учите язык наших предков? Ась? Или вы всё же имеете меня обрадовать? — перешёл он на идиш.

— Господин мой, — замогильно забубнил я на довольно скверно выученном иврите, — я знаю немного святой язык, а моя жена может говорить на идише, который...

— Ни слова больше! — завопил человек на иврите и вдруг, оказавшись совсем рядом с нами, принялся нас обнимать. Я остолбенел от такой экспрессии, а Софа с видимым удовольствием подставила раввину щёку, которую он немедленно смачно поцеловал. «Ну и раввин, — подумал я, — с посторонними женщинами целуется, ишь ты...»

Я знал, что Карлебах, отпрыск старинного рода почтенных талмудистов, родился в Берлине, большую часть жизни провёл в Америке, — и почему-то не думал, что он знает идиш. Но они заговорили с Софой на летящем, плавном и одновременно таком стрекочущем идише, что я разинул рот. По-видимому, оба с первой минуты общения стали испытывать друг к другу ярко выраженную симпатию.

— Это что за парень? — спрашивал мою жену раввин, искоса поглядывая на меня. — Это наш парень? Это хороший парень? Ась? По-моему, он хороший парень. Не?

— Этот хороший парень, — неожиданно пожаловалась Софа, — не уверен, что он хочет ехать со мной в Израиль...

— Как можно не хотеть туда ехать? — возмущённо сказал раввин. — Тем более с такой красавицей? А знаешь что, устроим-ка ему проверочку. Ты как — не против устроить ему проверочку?

— Не против, — ответила моя жена, и мне не понравилось, как они оба осуждающе уставились на меня.

— У меня, — таинственно понизил голос раввин, — тут, среди молодых музыкантов, которые мне аккомпанируют, есть парочка ребят, которые

с удовольствием сделают вид, что за тобой ухаживают. Мы даже попросим одного из них, Джимми или Билли, чтобы он предложил тебе поехать с ним в Лос-Анджелес (кстати, ты действительно можешь поехать с ним в Лос-Анджелес). Ведь ты не против того, чтобы побывать в Лос-Анджелесе? Ась? У меня там ученики, у нас там центр, мы там изучаем Талмуд и дхарму, ян, инь и хасидизм, а по вечерам поём псалмы под гитару и — будем до конца откровенны — покуриваем травку. Для поднятия духа. То есть я, конечно, преувеличиваю — так, самую малость, — но все они раньше состояли в движении хиппи, вот в чём дело! Мы предложим тебе остаться в Лос-Анджелесе, и вот тут твой парень забегает! А? Как я придумал?!

— Отлично, — с поразившей меня лёгкостью согласилась моя жена, — согласна!

Великий певец, выступавший в своё время перед американскими битниками и папой римским, завизжал от радости и забегал вокруг неё. Потом он обнял её и звонко поцеловал в щёку.

— Э-э-э-э... — изумлённо проговорил я, протестуяще протянув к нему руку, — слушай, господин мой, да ведь и я понимаю идиш... Ма зэ? Вос из мешугас гешен до?

— Вау, — радостно крикнул он, подмигивая нам обоим, — заговорил Голем! Ну как — поедешь с ней в Святую землю? Ась?!

— Поеду, — покорно сказал я.

— И не забудь, — произнёс он, внезапно становясь очень серьёзным, — ты дал слово раввину. Не какому-нибудь поцу из подворотни — раввину ты дал слово! Попробуй не выполнить обещание — уж черти-то тебя припекут на сковородке! В аду, понял? Уж припекут! Ясненько? Ась?

— Ась, — уныло сказал я, — ясненько...

— Гляди у меня! — он помахал у меня под носом рукой с прекрасными, чисто вымытыми пальцами, увенчанными длиннющими ногтями, которые использовал во время игры вместо медиатора. — Короче — в путь! Благословляю обоих!

И он заулюлюкал от полноты чувств.

Раздался звонок, мы услышали, как зашумела публика за кулисами. Раввин схватил гитару и убежал вприпрыжку на сцену, успев поощрительно хлопнуть меня по плечу.

Я выполнил обещание и согласился на переезд в Израиль. Через год, нагруженные баулами, сумками и свёртками, мы уже высаживались в аэропорту имени Бен-Гуриона...

Первые годы у нас не было времени на посещение концертов и вообще культурных мероприятий. Мы вращались в быт новой для нас страны. Иногда Софа вспоминала Карлебаха — то и дело мы видели в газетах, слышали по радио информацию о его выступлениях в разных концах мира. По телевизору передавали сплетни: то знаменитый Любавичский ребе заявил своему прославленному собрату, что гитара — не самый лучший инструмент для проповедника, то папа римский вновь изъявил желание послушать его и пригласил в Ватикан, то Карлебах отплясывал псалмы в Токио перед визжавшей и кланявшейся от восторга толпой японских сектантов-макойя...

Осенью девяносто третьего года мы ехали на автобусе, усталые, возвращаясь с работы. Путь наш проходил по улице Штраус, мимо здания русского культурного центра. Через открытое окно мы внезапно услышали знакомый голос, усиленный динамиками... Мы разом поднялись и вышли на этой остановке. В культурном центре выступал Карлебах.

Огромными афишами с фотографиями были обклеены все стены. У входа толпилась публика, которой не досталось билетов. Среди них были почтенные пожилые интеллигенты из Вены в золотых очках и портфелями под мышкой, сразу узнаваемые по одежде выходцы из Союза, голоногие кибуцники в шортах и сандалиях на босу ногу, ортодоксальные евреи с длинными бородами и в лапсердаках. Они вытягивали шеи, пытались заглянуть в окна. Из окон рвался голос нашего раввина.

Мы взяли друг друга за руки и поднялись по каменному крыльцу. Нас спросили было о билетах — не сговариваясь, мы ответили в унисон, что Карлебах — наш старый друг, что он пригласил нас послушать его. Сказали мы это так решительно, что билетёр, пожав плечами, отступил и пропустил нас в зал. Зал был переполнен. Я остановился у входа, Софа пошла дальше. Она прошла до самой сцены и остановилась в проходе. Карлебах пел. Публика слушала, затаив дыхание. Внезапно наступила тишина. Я увидел, как раввин смотрит вниз. Он вытянул шею и взмахнул рукой. Софиты прошли лучами по тёмному залу и скрестили их на фигуре моей жены. Я смотрел на неё сзади, но, по-моему, никогда она не была такой красивой.

Карлебах схватил гитару наизготовку, как автомат, и величественно спустился по ступенькам в зал. Шнур микрофона с шуршаньем тянулся за ним следом. Он подошёл к моей жене и поклонился. Она сделала книксен. Я шагнул вперёд.

— Ну, что? — спросил он, и голос его загрохотал. — Я знал, что ты приедешь и что я рано или поздно встречу тебя. Как твой парень? Он таки до сих пор сидит среди северных льдов и полярных медведей?

— Он таки приехал со мной, — сказала моя жена счастливым голосом, влюблённо глядя на него.

Я подошёл к ним. Зал внимал молча. Я чувствовал сотни взоров, вцепившиеся в нас мёртвой недоуменной хваткой.

— Вот он, мой парень, — сказала Софа и плавно показала на меня рукой. Она была похожа на королеву, говорящую о своём паже.

Карлебах восторженно взвыл. Он поднял гитару над головой и, запрокинув кверху белое в ярком свете софитов лицо, прокричал на смеси двух языков:

— Борух ато, Татэле, мехайе га-мейсим! — Благословен Ты, Папочка, воскрешающий мёртвых!

Потом он шагнул ко мне и обнял. Потом повернулся к моей жене и обнял её — и перед тем, как выпустить, умудрился поцеловать её очень звонко.

Мы поднялись на сцену, и он усадил нас на стулья позади микрофонной стойки. Я чувствовал себя ужасно неудобно. Рабби размахивал своей знаменитой концертной гитарой, как часовой ружьём, и рассказывал залу об обстоятельствах нашей первой с ним встречи. Зал устроил овацию, и я не понимал, кому хлопали больше — ему или моей жене.

Мы присутствовали на выступлении до самого конца, сидя на сцене за спиной Карлебаха. Один из молодых музыкантов, игравший на флейте, всё время подмигивал Софе, а она посматривала на него из-под полуопущенных ресниц. Я размышлял, не был ли это тот самый Джимми или Билли, с которым почтенный раввин в своё время хотел отправить мою жену прошвырнуться в Лос-Анджелес.

Когда мы возвращались домой, на небе уже выпали звёзды. Я держал в руке фотографию Карлебаха с надписью на обороте: «Мойшеле, как только захочешь, звякни, и мы устроим отличную встречу, у меня в Меор-Модиине живёт община учеников, классные ребята! Мы споём, выпьем и закусим как полагается. Ты ничего не имеешь против кошерного виски?»

Я ничего не имел против кошерного виски. В то время я не имел ничего против даже некошерного виски.

— Знаешь, — задумчиво сказала Софа, держа меня за руку, — а у него очень приятно пахнет борода... Очень дорогим и хорошим одеколоном.

Я не нашёлся, что ответить, и только аккуратно высвободил руку.

...Прошёл год. Мы так и не встретились с ним. Время от времени нам звонили его ученики и приглашали на встречу — «сам ребе попросил передать!» — но, как это обычно бывает, всегда находились какие-то причины, по которым мы не могли поехать в гости. Теперь, по прошествии стольких лет, все эти причины кажутся нам совершенно несущественными.

Двадцатого октября девяносто четвёртого года, под вечер, мы ехали в машине с несколькими знакомыми на пикник. Приближалась суббота. Я включил радио. Голос диктора произнёс: «Сегодня, в день шестой, утром, в самолёте рейса Тель-Авив — Торонто, по дороге на концерт в Канаде, скоропостижно скончался от сердечного приступа Шломо Карлебах, известный всему миру как „поющий рабби“...»

Я услышал, как охнула Софа. Посмотрев в зеркало заднего обзора, увидел, как она сидит, прижав ладони к щекам. Никто в машине, кроме нас, вообще не знал, кто это такой. Приятели продолжали разговаривать между собой. Я смотрел в окно, почувствовал во рту солёную влагу и заскрипел зубами.

А было так. В самолёте его узнали и попросили устроить бесплатный концерт в воздухе. Шломо никогда не отказывал. Он вытащил из чехла гитару и запел. Он пел и пел песню за песней, час за часом, и лётчики «Боинга» держали дверь кабины пилотов открытой в пассажирский салон — небывалое нарушение правил безопасности в полёте. Наконец он спел песнь Моисея, к которой когда-то сочинил музыку. Это совсем короткая песня, состоящая всего из двух слов: «Внимайте, небеса...» Он спел эту песню, откинулся на спинку кресла, прошептал что-то и умер. Гитара, зазвенева, упала в проход. Вот и всё.

Приятели не заметили нашего состояния. Они были радостно возбуждены предстоящей пьянкой на берегу моря. Скоро мы добрались до пляжа, достали корзины с выпивкой и закуской, отнесли к самой кромке воды и усадились на неостывший песок. Солнце падало за багровеющий горизонт, солёный ветер совсем растрепал кудри моей жены. Непривычно высокие валы катились на покинутый пляжниками берег. Мы выпили и закусили. Я пил всю ночь и к утру, кажется, даже развеселился.

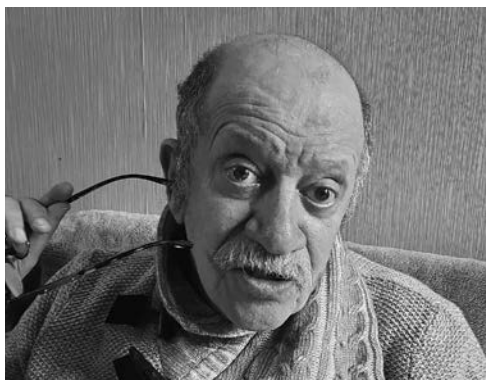
ОБ АВТОРЕ

Моше (Михаил Маркович) Гончарок—историк, публицист, прозаик. Закончил исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена.

С 1990 г. живёт в Израиле. Научный сотрудник Центрального архива истории сионизма (Central Zionist Archives), Иерусалим. Специалист в области истории еврейского анархистского движения (т.н. идиш-анархизм). Автор трёх монографий (на русском языке) и брошюры (на идиш) по этой тематике, многочисленных публикаций в академических изданиях и статей в прессе Израиля, России, США.

Постоянный автор нашего журнала.

Вадим Жук ПОЭТЫ ХОДЯТ ПЯТКАМИ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА...



В конце марта в России скоротрагично скончался известный поэт, сценарист, драматург, актёр Вадим Жук.

Утром 20 марта Вадим Жук был ещё на завтраке в гостинице, общался с коллегами, но жаловался на плохое самочувствие. Возможно, как сейчас считают коллеги, это связано с тем, что накануне его,

постоянного ведущего церемонии открытия фестиваля «Суздальфест», внезапно, по звонку «сверху» заменили на чиновника Капкова. Вадим Жук перенервничал из-за сложившейся ситуации — всё-таки возраст — 78 лет. И — трагический финал.

Известному человеку показали, что теперь он в своей стране изгой, нежелательная персона. Причина проста. У себя в ФБ регулярно, день за днём, он выкладывал всё новые антивоенные стихи. Они были изданы в Украине. Конечно, российские власти ему этого простить не могли. Они, в сущности, и убили...

В октябре прошлого года издательство Ивана Лимбаха выпустило новый (и последний прижизненный, как оказалось) сборник его стихов «Вдох-выдох». Стихи Вадима Жука разные: неровные, часто шероховатые, но всегда совершенно прямые. Казалось бы: поэт, как никто другой, имеет право спрятаться за художественными приёмами, за метафорами и эпитетами, не говорить «в лоб», не называть по имени — для поэзии это нормально. Но Жук этим правом не пользовался.

Читая его стихи, понимаешь, что такой автор и правда мог умереть от слишком высокой концентрации окружившей его пошлости и бездарности.

И ещё по его стихам видно, что за самим собой, за своими словами и своей интонацией он следил максимально строго и бескомпромиссно и благодаря этому смог сказать про сегодня то, что многие проговорить боятся.

Ниже небольшая подборка антивоенных стихов — убедитесь сами.

* * *

Проснуться и вдруг под собою почуять страну,
И первопечатных, и контурных жил её голубизну,
Приречный кустарник больших отработанных рук,
Привычный, глубоко сокрытый очей звероокий испуг,
Поля и овраги, железным цветущие хламом,
И храм на холме, и могилами вскопанный холм.
Корову, жующую словно навязанный корм,
Румяную девочку с тонким и плачущим «мама».
Румяную девочку, жёлтый лицей областной,
Учитель невнятных наук и красивый, и полублатной,
И женщины злые у белых дверей консультаций.
Проснуться. Ершами мороза покрылась река,
Огромного поезда туша взгремит, далека
Настолько, что мыслью не можно к нему прикоснуться.
Ребёнок с запрошлого века стоит на горохе в углу,
Прекрасные сполохи реют по городу, миру, селу.
Воронежский пальцы в кулак не сжимает святой,
А речи на полках застыли в горшках с деревянной крупой,
Почуять страну. На скамье притаился Ставрогин.
Кому мы нужны без уменья почуять страну?
Всё отняли. Чистый язык. Голоса, тишину.
И страшно — как будто войти в борщевик вдоль дороги.

28 января 2021 г.

* * *

А слова, хоть приклеивай скотчем,
Разбегаются, смысл потеряв,
Ошельмованы, опорочены,
Застыдившиеся словаря,
В кулаке побывав воеводином,
Так, что с ходу узнать нельзя;
Разве скажешь теперь слово «родина»,
Честно родине глядя в глаза?
Как гордился, сидя на парте я,
Словно на боевом коне,
Самоблещущим словом «гвардия»!
А теперь оно страшно мне.
Будто выбрало слово квоту,
Под неправый попало закон:
Назову себя «патриотом»,
И влетит мне с обеих сторон.
Зашиваю уста, зашиваю,
Проношу слова мимо рта,
Запирается кладовая,
Побеждай меня, немота.

25 октября 2021 г.

* * *

Надо не пускать в себя плохого!
Вот его как будто бы и нет.
Есть к нему подходы-переходы,
Ну а ты поставил турникет.
На одной седьмой продрогшей суши,
Где полно лесов, морей и рек,
Надевает крепкие беруши
На себя хороший человек.
И не слыша новостей и сводок,
Спит на правом правильном боку,
Устремивши честный подбородок
К белому, как саван, потолку.

16 сентября 2022 г.

* * *

Можно я что-нибудь не о бомбёжках?
Не о беженцах?
Не о минных полях, не о последних крошках,
Не о застреленных, не о повешенных?
Можно.
Тогда говори о разрушенном,
О раздавленном.
О безумье ночном, о налёте воздушном,
О подвалах заваленных.
Можно.
Вот тебе вся топонимика
С кровавыми потёками.
А ну-ка отними-ка
От глаз ладони — встречайся взглядом с синеокими.
С кареглазыми, с ещё живыми.
Легион их имя.
Будь не собой. Никем. Ничем.
Журавлём возле убитого колодца.
Кречетом в слепой высоте.
Может быть, когда-нибудь вернётся
Возможность видеть трещинку на листе,
Вишенку на торте. Родинку на плече.

29 октября 2022 г.

Ко дню рождения Гоголя

Взвод длинноносых стоит по фамилии Гоголь.
Берцы тесны и безмерно тяжёл автомат.
Их военком собирал и наказывал строго:
«Главное, ...лядь, не старайтесь вернуться назад.
Осемят и без вас ваших Манек, Оксанок и Танек —
Будет опять пополнение в солдатском строю.
Мир обойдётся без ваших „Женитьб“ и „Диканек“.
Враз животы подобрали и слушай команду мою».

Гоголи слушают. Реют над ними Вакулы.
Мимо проходит Башмачкин новейших времён.
Хочется есть. Сводит юношам бритые скулы.
Им насыпают спагетти, то бишь макарон.
Вот за соседним столом, тоже бритые, сели Толстые.
Даже не знаю — в какой это дело стране.
Лёгкий спешит таракан через книжные полки пустые,
Что же читать в наступающем будущем мне?
Лицами в землю уткнутся Лесковы, Толстые, Шевченки.
Несостоявшихся гениев жалкая рать.
Гоголь успел написать что-то кровью на стенке.
Не разобрать.

1 апреля 2024

* * *

Да куда мы, братушки,
Выйдет криво, кроваво, неладно.
Говорил же нам Пушкин
про бессмысленный и беспощадный.
Это главный наш пункт:
Выйдет дико, кроваво, нелепо.
Не дай Бог русский бунт!
Это чёрт знает что, а не скрепа.
Вот французы смогли,
Ну, куда во французском нам стиле,
Да и наши Кремли
Будут крепче парижских Бастилий.
Взяли Зимний дворец,
И на семьдесят лет наглолись.
Нам же Пушкин певец
Говорил! — что же мы просчитались.
Спи спокойно, страна.
Заходи, если что, прямо в бункер
Наш на все времена
Рогоносец, пророк, камер-юнкер.

2 марта 2024

* * *

Долго, сказали вы,
Жить надо в России, долго.
Весь состав головы
Бедной моей раздолбан.
И никто не отвертится!
Кончились тары-бары.
В сердце, в сердце, в сердце
Точечные удары.
Спать бы без всякого просыпа,
Жутко мне, зябко; колко.
— Как мне молиться, Господи?
— Долго!
Зачем мне долго?

3 марта 2022 г.

ПИШУЩИМ В СТОЛ

Он в них забивает осиновый кол —
То стих, то рассказ, то заметку...
Такое он пишет! Пока ещё в стол,
В тумбочку и табуретку.
Он их обманул! Носит Z на груди,
Заклятых врагов осуждает,
Для виду, когда раздают — впереди,
Для виду, когда награждают.
Всё это для виду! В глубинах души
Он мощный противник режима.
Оттуда аршинные кажет шиши
И смело, и неудержимо.
Да вот он — грядущих викторий посол,
Вот предстоящих полётов орёл,
Разящий и метко, и едко.
Только б доехал в грядущее стол,
Тумбочка и табуретка.

7 марта 2024



Мы были честными и умными,
Мы были умными и нервными.
Однажды в феврале мы умерли
И умираем ежедневно.

Смерть, не спросивши разрешения,
Нас догнала и огорошила.
Она в ближайшем окружении
Из настоящего и прошлого.

Живые с виду и подвижные
Мы умираем понемногу.
Отъезды дальние и ближние
От смерти нас спасти не могут.

Она умела и настойчива,
Она переделалась маем.
А мы — как будто обесточены.
И умираем, умираем.

Амин АЛАЕВ
ФАМИЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

7

Шолпан медленными вращательными движениями гладила выпирающий живот и смотрела в окно. Она только что закончила готовить и прибираться на кухне. Муж ушёл к себе в офис, совмещённый с гаражом, где он обычно работал — писал код и подолгу трещал в онлайн с клиентами и коллегами. Лагман на ужин у неё был уже готов, а самса доходила в духовке. До того, как они сядут ужинать, оставалась как минимум пара часов, а если Валера зависнет на телефоне, то и больше. Это было время, чтобы подумать и, возможно, даже написать полстраницы прозы. Ну, конечно же, если не будет писем от Анжелы.

Шолпан понимала, что, когда родится ребёнок, время на творчество у неё будет весьма ограничено. Привычка постоянно что-то писать — то, что по-английски называлось *creative writing*, художественные вымыслы — выработалась у неё уже давно, ещё в Казахстане, откуда она переехала в Америку вот уже добрый десяток лет назад. Шолпан приехала как студентка, поступив в американскую магистратуру в Далласе после института в Казахстане. Оставшись в Техасе после окончания, она получила рабочую визу и переехала в Сан-Антонио, где почти сразу начала работать аналитиком данных в компании, торгующей молочными продуктами. Компания была клиентом фирмы, в которой писал код Валера. Так они и познакомились — сначала разговаривая по телефону (Шолпан объясняла ему, что нужно было сделать для улучшения софта в торговле йогуртом и сметаной — сначала по-английски, а потом и по-русски). Спустя три месяца таких разговоров они наконец-то встретились воочию на одной из бизнес-конференций. Это было давно, до пандемии. А теперь они жили вместе, хотя формально и не были женаты.

Окончание. Начало в № 2 (34) 2025

Шолпан почувствовала, как ребёнок в животе легонько пнул её изнутри и улыбнулась. Такое случалось теперь почти каждый день. Она вновь погладила живот и налила себе холодной воды из контейнера у раковины. Сделав несколько глотков, Шолпан вздохнула и, с трудом наклонившись, взглянула на поджаривающуюся самсу в духовке. Готовить самсу было куда легче, чем планировать будущее.

Жизнь имела в последнее время ярко-выраженную тенденцию к усложнению.

Темир, её брат, всё никак не мог получить грин-карту несмотря на то, что уже много лет работал как компьютерщик на солидного интернет-провайдера в городе, постоянно продлевая рабочую визу, что становилось делать труднее раз от разу. Это, в свою очередь, провоцировало его на чрезмерное потребление спиртного, что Шолпан отнюдь не радовало. Непутёвая младшая сестра Айтурган, остававшаяся в Алматы, собиралась поступить как тысячи нелегалов из Центральной Америки — пересечь Рио-Гранде и попросить убежища в США. Шолпан не понимала, на каких основаниях она в принципе могла просить такого убежища, но Айтурган уже поставила её в известность, что продумала маршрут и через два месяца планирует оказаться в мексиканской Гвадалахаре. Как только она окажется в Техасе, говорила ей Айтурган, она сразу же отправится к ней, в Сан-Антонио. Что ей с этим делать, Шолпан не понимала, но и отказать сестре не могла. Кроме этого, сейчас, с появлением ребёнка, ей придётся как минимум месяцев десять, как она полагала, быть с ним дома, что отразится на их семейном бюджете, поскольку Валера будет работать один. Плюс Валера собирался оплачивать колледж дочери от предыдущего брака, поступающей в этом году в вуз, и это, как она отлично понимала, «растянет» их бюджет ещё сильнее. Война в Украине теперь напрямую затрагивала его родню в России, что создавало постоянное напряжение в доме. Валера сильно нервничал из-за сына, которого могли забрать в армию и отправить на фронт. «Как пушечное мясо», почти всегда добавлял он, мрачно рассуждая об этой безрадостной перспективе.

Шолпан вновь вздохнула. Что ей делать с пьющим братом, безумной затеей сестры и маячившим если не безденежьем, то уж точно финансовым напряжением, она не понимала. Но, по крайней мере, как помочь мужу успокоиться, Шолпан представляла себе в общих чертах. Более того — у неё даже был план.

Шолпан села за кухонный стол и включила ноутбук. Открыв текстовый редактор, она нашла на диске файл с рассказом, который начала

на прошлой неделе и пробежалась глазами по последним двум страницам. «Графоманка!», с досадой думала она порою о себе, хотя в глубине души понимала, что пишет она неплохо и с каждым новым произведением — всё лучше и лучше. Шолпан охотно признавала, что её вымыслы в прозе были не для всех, но, с другой стороны, они ведь и не сто долларовая купюра, чтобы нравиться всем без исключения! Те, кто в восторге от «Пятидесяти оттенков серого», вряд ли будут в таком же восторге от её рассказов, думала Шолпан порою, хотя она и не ограничивала себя в описании карнальных сцен, иногда даже в самых интимных подробностях. Жанр, в котором она работала, ускользал от формального определения и являлся комбинацией фэнтэзи и магического реализма с небольшой дозой женского романа и эротики. Иногда она добавляла в эту гремучую смесь и щепотку ужаса, но это было редкостью.

Деньги, конечно же, не являлись финальной целью её творчества, хотя если бы какой-нибудь журнал заплатил ей за текст-другой, она бы совершенно не возражала. Её подруга Анжела искренне не понимала — зачем что-то писать, если потом написанное невозможно продать? Анжела не была писателем, но, ввиду неожиданного поворота судьбы, теперь регулярно строчила довольно подробные тексты, которые генерировали ей вполне конкретный денежный ручеёк. Анжела была одинокой молодой женщиной с модельной внешностью, попавшей в жизненный переплёт, но сумевшей, как она сама говорила, «изобрести себя заново». Она работала в отделе продаж той же компании, что и Шолпан, но попала под «реорганизационное» сокращение во время ковида. Однако, спустя непродолжительное время, Анжела нашла себя на другом поприще, где смогла использовать в прямом и даже буквальном смысле свою женскую привлекательность. Вот уже второй год Анжела вела свой собственный канал на одной из интернет-платформ, в котором регулярно выкладывала коротенькие видеосюжеты, чуть длиннее Тик-Токowych, о своей незамысловатой жизни. Сюжеты эти, часто банально бытовые («ставлю стирку», «чищу манго», «примеряю новую пару кроссовок»), имели подчёркнуто эротическую направленность и были доступны для просмотра по подписке. Это не являлось *adult entertainment** в традиционном смысле слова, но и обычными видео их назвать было нельзя. Платформа эта была порождением пандемии и имела массу подписчиков — в подавляющем большинстве своём мужчин среднего возраста — по всему англоязычному миру. Анжела, с её прошлым коммивояжёра,

* *Adult entertainment* (англ.) — развлечения для взрослых, формальное название порно-индустрии

постоянно искала новые способы монетизации своего канала на этой платформе, но даже она была удивлена, когда её подписчики, в основном мужчины далеко за тридцать, стали присылать ей через платформу фотографии своих половых органов с просьбой оценить их и прокомментировать. Сначала это было шоком, но потом Анжела узнала, что такие странные финты были на этой платформе своего рода нормой. Это и стало для неё поводом регулярно писать отчёты об увиденном для страждущих её оценки подписчиков, но, разумеется, бесплатно. К концу воскресенья она уже не могла не только смотреть на эти фотки, но даже и думать об этом. Но бизнес есть бизнес — Анжела брала себя в руки и выдавала на-гора с десятков-другой отчётов об увиденном по шкале от одного до десяти. Десятка была лучшей оценкой, но она никогда не ставила ниже семи с половиной, даже если *увиденное* вызывало скорее смех и слёзы, чем что-либо ещё. Поскольку каждый отчёт стоил \$12.99 (Анжела очень щепетильно относилась к ценообразованию), то за выходные можно было накопить пару сотен долларов. А когда заказов стало слишком много, она взяла в бизнес-партнёры Шолпан. Шолпан делала это с одним условием — она лично на фотографии не смотрит, Анжела ей даёт характеристику из пяти-шести слов и на основе этого Шолпан пишет на полстраницы отчёт об «увиденном» на английском, а Анжела, как носитель языка, потом корректирует, если надо, и платит Шолпан за это пятёрку. Английский Шолпан был хорош, но не идеален. «Замечательный аутсорсинг!», любила приговаривать Анжела, используя ставшее модным за пандемию словечко. Тем более, что с энтузиазмом описывать мужские «достоинства» и оправдывать *всегда* хорошую оценку было совсем нетрудно. Повторения эпитетов в этом странном эпистолярном жанре плагиатом не считались. Мужчинам это — *необъяснимым* для Шолпан и Анжелы образом — очень нравилось, что генерировало ещё **большой** поток присылаемых фотографий.

Шолпан начала было фокусироваться на сюжетной линии своего рассказа, как вдруг выпрыгнуло окошко о том, что ей пришло новое электронное письмо от Анжелы. Пять подписчиков на сегодня ждали своей оценки. К концу дня Анжела ожидала ещё дюжину. Тема письма, как всегда, была полна коммерческого задора, этого у Анжелы было не отнять: «*Фаллосы, доход приносящие, ждут твоего творческого внимания!*». Шолпан вдруг почувствовала лёгкий рвотный рефлекс, но после небольшой паузы смогла справиться и взять себя в руки. Бизнес есть бизнес. Анжела — молодец. Валера не знал об этом мелком гешефте по двум причинам. Во-первых, чего добавлять мужу стресса и потенциально вызывать его ревность самой природой этой шабашки? А во-вторых, все

деньги, аккуратно переводимые ей Анжелой, она отправляла матери в Казахстан и это было частью её плана.

Открыв письмо от Анжелы, Шолпан создала новый файл в текстовом редакторе для отчёта и прочитала параметры на первую фотографию: «*Меньше среднего, с крайней плотью, неухоженный и седеющий волосяной покров, родимое пятно с правой стороны*». Тяжело вздохнув, она стала печатать, как вдруг почувствовала, что внутренняя часть её бёдер стала влажной. «Началось!», подумала Шолпан и громко захлопнула ноутбук.

8

Смена Грасиелы закончилась вовремя.

Её смены были самыми разнокалиберными, от четырёх до восьми часов и с частыми сверхурочными в этот сезон праздников. Но сегодня супервайзер не просил её остаться подольше по причине того, что фура с новой партией товара задержалась на несколько часов и стеллажи в магазине в некоторых местах выглядели неестественно куцо. Было просто нечем торговать по многим позициям. Сеньор Сервантес, *гран хефе*, большой босс, как его называли испаноязычные работники сети, не выглядел довольным и постоянно ходил взад-вперёд по торговому залу, нервно разговаривая с кем-то по сотовому телефону. Грасиела догадывалась, что магазин терял прибыль из-за задержки фуры, но, к счастью, это не было её проблемой. Она закончила смену, передала пост на кассовом аппарате украинке Светлане, чья смена только начиналась, и отправилась на парковку госпиталя. Мария объяснила ей, где находилась её машина и даже дала карту-пропуск, чтобы Грасиела показала его охраннику в будке на выезде, если тот будет спрашивать.

Прогулка пешком до парковки заняла, как она и предполагала, около пятнадцати минут. По меркам тропической Гватемалы зима в Сан-Антонио была весьма суровой, и Грасиела пожалела, что не захватила из дома перчатки. Но слегка озябшие ладони не были поводом для волнения на фоне того, что ей предстояло целых двадцать минут вести машину, включая небольшой интервал по одному из хайвеев. Грасиела старалась не думать об этом, представляя себе что-нибудь спокойное и приятное. Рыжий, как соус табаско, Гранд Каньон, среди скал которого будут гулять Мария с мужем. Или смешную сову Дуо из бесплатного языкового приложения Дуолинго, с которым она изучала английский. Ничего страшного не произойдёт. Она, в конце концов, в Америке,

а не в Мексике, где опасность для таких как она таилась буквально за каждым углом.

Грасиела дошла до парковки и без труда нашла машину сестры. Зачем в будке на выезде должен находиться охранник, было непонятно, поскольку количество видеокамер под разными углами в этом месте просто зашкаливало. Грасиела уселась на водительское место и долго подгоняла под себя кресло, поскольку Мария была чуть выше и — после нескольких лет жизни в Америке — чуть упитаннее. Потом она поправила зеркало заднего вида и, вытащив из сумки портрет Святой Каталины на бечёвке, повесила его на зеркало. Закрыв глаза, она быстро помолилась и завела машину. Этой Тойоте Камри был всего год, и слушалась она просто великолепно. Грасиела с удовлетворением отметила, что вести машину было легко и комфортно. Подъехав к выезду, она притормозила и у сенсора провела картой, данной ей Марией, по индикатору. Шлагбаум бесшумно поднялся. Проехав шлагбаум и притормозив снова у будки с охранником, Грасиела опустила стекло и протянула карту смуглому скучающему охраннику, в котором легко угадывалось мексиканское происхождение.

— *Hola señor! ¿Cómo está usted?**

Охранник улыбнулся и, не став смотреть на карту, жестом показал ей, что она может ехать.

Грасиела вывернула на узкую улочку, ведущую к выезду с территории госпиталя. Проезжая мимо центрального входа, она скосила глаза на полицейский Краун-Вик, который всегда дежурил в этом месте — и днём, и ночью. Глубоко вздохнув, Грасиела ещё раз мысленно произнесла молитву. Быстро взглянув на портрет Святой Каталины, болтающийся на бечёвке, она отчётливо почувствовала, как ладони её покрылись мелким противным потом.

9

Вот уже второй час Валера висел на звонке с клиентом. Сеть закусовых из Орегона просила кастомизацию софта ввиду причудливых налоговых правил этого штата, и Валера вместе с менеджером по продажам из Феникса долго и дотошно расспрашивали хозяйку заведения и её АйТи сотрудников, что конкретно они хотели бы видеть в интерфейсе программы и в налоговых калькуляциях для их бухгалтерии. Валера хорошо знал из опыта, что зачастую чёт-

* *Hola señor! ¿Cómo está usted? (исп.)* — Здравствуйте, мистер! Как вы?

кое понимание того, что нужно клиенту, являлось самым важным для успешного воплощения его пожеланий в коде. Но почти всегда главной проблемой было то, что *сам клиент* очень смутно понимал, что же всё-таки ему нужно. Поэтому-то такие вот длинные разговоры как раз и кристаллизовали такое понимание, не говоря уже о том, что после них Валера мог более объективно оценить свои усилия как программиста, что напрямую отражалось на биллинге и, как следствие, на прибыльности его компании.

— У меня только одно опасение. Этот новый триггер в таблице может начать конфликтовать с вашим пэйроллом. Вы можете разнести пэйролл и импорт данных в разное время суток? — спросил Валера, глядя в схему базы данных и тут же услышал жужжание своего айфона.

Выключив звук и изображение в Гугл Митс, он протянул руку к айфону и посмотрел кто звонит. Звонила дочь Вероника. Валера без колебаний принял звонок. Размышляя об упрямстве сына Антона в последнее время, грозящее теперь трагедией в буквальном смысле, Валера пришёл к неожиданному, хотя, как он сам себе признавался, необязательно верному выводу: всё детство и юность сына он ставил работу в приоритете выше, чем диалоги с ребёнком. Теперь Валера чувствовал себя виноватым за то, что, возможно, недодал Антону родительского тепла, что теперь и провоцировало его упрямство и нежелание слушать отца, да и мать тоже. Эту ошибку нельзя было повторять с дочерью, пусть даже и живущей в другой семье, а уж тем более с тем его ребёнком, что носила под сердцем Шолпан.

— Привет, Вероника! Как дела? Как сеньора Сервантес, то есть, мама?

— Папа, всё нормально. Мама дома, готовится к русскому Кристмасу, *getting ready for the Russian Christmas*. Мигель на работе, у них там какой-то *mess*.* Я хочу погулять с Бингом.

Дочь, как всегда, говорила на смеси русского и английского, что было весьма типичным для детей из иммигрантских семей. Валера улыбнулся и ответил:

— Да, конечно! Приходи хоть сейчас. Хочешь, вместе погуляем.

— *I want to!*** Я тогда прямо сейчас подойду, *in ten minutes or so*.***

— Давай, я скоро закончу и пойдём вместе.

Валера завершил звонок с дочерью и вернулся к звонку с клиентом и Дэном, менеджером из Феникса. Ещё десять минут обсуждений про-

* *Mess* (англ.) — беспорядок, неразбериха.

** *I want to* (англ.) — я хочу.

*** *In ten minutes or so* (англ.) — через десять минут или около того.

текли без сучка и задоринки. Всё вроде бы удалось обговорить и внести ясность. Звонок завершился. Дэн, закругляясь, просуммировал его результаты и добавил в конце:

— Мы обсудим, когда мы сможем поставить Валере и его ребятам эту кастомизацию в расписание, они довольно сильно заняты сейчас. Но, думаю, не позже, чем через месяц начнём работу. Я пришлю вам формальный контракт через пару дней...

Дэн не успел закончить, как вдруг раздался оглушительно громкий вопль Шолпан с кухни:

— Валера! Валера-а!!!

На мгновение в его офисе воцарилась гробовая тишина, и было слышно, как жужжит крошечный вентилятор внутри ноутбука. Он почувствовал, как онемели его пальцы и тут же понял с невообразимой ясностью, что в третий раз отцом он станет через крайне непродолжительное время.

— Валера у тебя всё в порядке? — спросил Дэн, прервав молчание.

Застыв, Валера смотрел в монитор, лихорадочно стараясь понять, что делать сначала — бежать сломя голову к жене на кухню, или всё же заскочить в кладовку и взять сумку для роддома, которую они уже давно приготовили.

— Валера! Валера-а!!! Иди сюда! Быстрее!

Голос Шолпан стал ещё более надрывным.

— Я прошу прощения, но кажется, нам пора в госпиталь! — сказал он в микрофон и тут же захлопнул окошко браузера.

— Валера-а-а!

Вопли Шолпан становились почти непрерывными. Валера чуть не упал, запнувшись о ножку стула, и стремглав помчался на кухню.

Прибыв, он увидел Шолпан, неподвижно замершую за кухонным столом. Её дикий взгляд не требовал особых пояснений, но она, тем не менее, уточнила ситуацию для Валеры:

— Кажется, начали отходить.

— Кто? Что?

— Что-то! **Воды!**

Он анализировал увиденное в течение нескольких секунд, после чего выдал:

— Потерпи минутку. Я выгоню машину из гаража и вернусь.

— Давай быстрее!

Валера открыл дверь в кладовку, схватил сумку, лежащую прямо у двери, и решительно направился в гараж. Быстро нацепив беговые

кроссовки, он нажал клавишу гаражной двери и, пока дверь с гудением открывалась, закинул сумку в багажник. Сев в машину, Валера сунул ключ в зажигание и с силой повернул его. Послышалось жужжание, но машина не завелась. Он сделал ещё одну попытку — тот же результат. Вытащив ключ, он стал равномерно дышать, стараясь успокоиться. «Сейчас получится», сказал он вслух со всем спокойствием, на которое был способен, проклиная себя при этом за то, что целых два дня не подзаряжал аккумулятор с помощью устройства, что купил по совету Темира. Аккуратно, без спешки, он вновь засунул ключ в отверстие, резко повернул его и почувствовал, как майка прилипла к спине от пота. Старая Хонда запыхтела, загудела всеми своими внутренностями, но завелась. Валера выехал из гаража и, не глуша мотор, оставил машину перед домом и отправился за Шолпан. Взяв её под руки, он осторожно повёл её к машине. Оба не произнесли ни слова, но каждый понимал, что дорога каждая минута. Усадив жену на переднее сидение, Валера быстро сел на водительское место и вывернул на проезжую часть.

— Держись! Госпиталь близко.

Он ехал по тихой и тенистой от старых платанов улочке, стараясь вести машину как можно плавнее, но при этом так быстро, как только было возможно. Шолпан, сунув руки между ремнями безопасности и животом, молча смотрела вперёд, понимая, что в её жизни начинается новая эра. Ей будет без разницы, мальчик или девочка, они с Валерой специально просили не говорить им пол ребёнка.

Но как это, быть матерью?

Сможет ли она родить «как следует»?

В ближайшие пару недель Анжеле придётся писать отзывы на «доход приносящие фаллосы» без неё, подумала она, и поняла, что её сотовый телефон остался дома.

И вдруг Валера остановил машину и, опустив стекло, громко закричал:

— Вероника!

Шолпан повернула голову и увидела, что метрах в ста от них шла Валерина дочь, которая, похоже, не слышала крика отца. Валера заглушил мотор и вышел из Хонды. Он стал кричать и махать ей руками. Та наконец увидела его и побежала в их сторону. Он быстро сказал ей, когда та приблизилась к машине:

— Вероника, мы срочно едем в госпиталь. Я дам тебе ключ, ты сама погуляй тогда с Бингом. Хорошо?

Он быстро снял со связки с ключами тот, что был от дома и протянул его дочери. Та взяла его, кивнула и с интересом посмотрела сначала на

него, а потом на молчаливую и бледную Шолпан, обхватившую выпирающий живот обеими ладонями.

— *Good luck!** — сказала она, без объяснений поняв ситуацию.

— Ну ладно, мы поехали, — нервно бросил Валера и с ужасом осознал, что он совершил чудовищную ошибку.

Теперь ему вновь придётся заводить машину, аккумулятор которой дышал на ладан.

10

Грасиела чувствовала себя более уверенно.

Самый сложный и потенциально опасный интервал её пути к дому Марии и Дилана был позади. Она успешно проехала небольшой участок хайвея и даже не увидела ни одной полицейской машины. Ехать оставалось считанные минуты и тут, на тихой улочке вдали от оживлённых дорог, трафик был едва ощутимым. Грасиеле нравился этот спальный район с небольшими, почти всегда двухэтажными, домами и ухоженными лужайками перед ними. Мария говорила ей, что это район, где живёт американский средний класс, а не городская беднота или толстосумы с их огромными усадьбами. В магазине, где она работала, поговаривали, что где-то тут проживает с семьёй сам *гран хефе*, сеньор Сервантес. Если всё пойдёт как надо и жизнь её в Америке наладится, то когда-нибудь она тоже станет такой же, как эти люди из среднего класса. У неё уже есть бумага, спасибо Дилану, для официальной работы. Самой же работы как таковой она не боится и никогда не боялась. Она выучит английский, получит вождеденную грин-карту, встретит хорошего мужчину, необязательно, кстати, латино, и...

Грасиела резко остановилась, утопив до предела педаль тормоза, потому что прямо перед ней на дорогу выскочил мужчина с диким взглядом, истерично размахивающий руками.

Валера понял, что совершил колоссальную ошибку, когда вытащил ключ из машины, чтобы снять со связки для дочери тот, что был от дома. Теперь он не мог завести Хонду и с каждой попыткой, с каждым поворотом ключа и скрежетом в её пожилых недрах, надежда вовремя оказаться в госпитале таяла как сливочное масло на горячем тосте. Шолпан молчала, но Валера понимал, что это ненадолго. Если он не найдёт решения самим же им созданной проблемы, то, во-первых, роды при-

* *Good luck* (англ.) — удачи.

дётся принимать ему самому, а во-вторых, прямо тут, в старой Хонде. Перспектива эта его совсем не обольщала. Валера пошарил в карманах и понял, что свой корпоративный айфон он забыл дома. Шолпан, будто почувствовав, мрачно сказала, поглаживая себя по животу:

— Я тоже забыла телефон.

Вероника, всё ещё стоявшая на тротуаре и ждавшая пока они уедут, быстро забила свой код и протянула отцу айфон в ярко-розовом кейсе с изображением кота *Hello Kitty*:

— Папа, *here you go*.*

Дрожащими от стресса пальцами Валера стал тыкать в дисплей. Увы — ни Лифта, ни Убера у Вероники установлено не было. Он быстро зашёл в App Store и скачал приложение Убера. Ещё с полминуты прошло, прежде чем он, невероятным образом вспомнив свой пароль, смог залогиниться в приложение. Ближайшая машина находилась в пятнадцати минутах от их расположения на этой улочке. Пятнадцать минут! За это время Шолпан уже могла родить! Валера громко и не стесняясь выругался по-русски.

Что делать?

Извечный русский вопрос бестолково крутился в голове, словно комар, назойливо жужжащий около уха. Валера переводил взгляд с Шолпан на дочь и обратно и лихорадочно пытался сообразить, как поступить. Периферийным зрением он заметил, что на эту улочку повернул и неспешно, щепетильно соблюдая ограничения по скорости, стал двигаться в их сторону серебристый седан. Ждать было нельзя. Валера пулей выскочил из машины и помчался прямо по центру проезжей части навстречу этой машине, размахивая розовым айфоном дочери как флагом.

Грасиела молниеносно закрыла все двери изнутри и с тревогой глядела на возбуждённого мужчину, стучащего ей по стеклу и без остановки и крайне эмоционально трещащего что-то. Его голос звучал глухо, но, похоже, он говорил по-английски. Грасиела почти ничего не понимала ввиду того, что говорил он очень быстро и при этом с сильным акцентом, который можно было бы назвать испанским, если бы не те странные гласные, что она слышала в магазине, когда с ней разговаривала по-английски Светлана и другие беженцы из Украины. Но больше всего её пугала не эта быстрая, как пулемётная очередь, речь, а его совершенно дикие глаза. Она смотрела на него, стараясь понять, что ему

* Here you go (англ.) — на, вот.

нужно, когда вдруг мужчина помахал кому-то и к седану спешно подошла совсем молоденькая блондинка, чем-то похожая на этого мужчину. Возможно, она была его дочерью. Девушка эта была куда спокойнее, чем мужчина, хотя печать тревоги в её красивых серых глазах была вполне заметна. Мужчина что-то быстро и нервно сказал девушке на непонятном Грасиеле наречии, после чего блондинка стала говорить с ней по-испански. Грасиела опустила стекло, но лишь самую малость, так, чтобы слышать девушку. Испанский её был неродным, но говорила она вполне понятно и спустя несколько секунд Грасиела поняла, что не сможет оставаться в стороне от ситуации и должна помочь этим странным людям, даже если Тойота сестры перестанет быть девственно чистой как сейчас, а ей самой придётся объяснять полиции, почему она водит чужую машину без водительской лицензии штата Техас. Бросив быстрый взгляд на неподвижно замерший, словно в ожидании, портрет Святой Каталины, Грасиела глубоко вздохнула и открыла дверь.

— Давай, давай! Давай!

Валера без умолку повторял «давай», хотя никто не обращал на это внимания. Он и Вероника взяли подмышки Шолпан, бледную как ванильное мороженое, и осторожно повели её к Тойоте, где их ждала эта худая смуглая мексиканка, открывшая дверь на переднее пассажирское место до отказа. Переход не больше десятка метров, казалось, занял вечность, и Валера, не переставая повторять «давай, давай», вдруг подумал, что, наверное, именно в такие моменты люди становятся религиозными. Верь он в бога, он бы сейчас молился изо всех сил, чтобы этот переход завершился именно так, как он его запланировал. Делая агонизирующе медленные шаги со стоически молчавшей женой к той машине, он странным образом вспомнил, как читал давным-давно в одном романе, что некий средневековый рыцарь, попавший в переплёт, обещал заказать золотой подсвечник в церковь какого-то святого, если этот святой поможет выбраться ему из сложившейся ситуации. А что и кому мог пообещать сейчас он? «Поздно пить боржом», мысленно сказал он сам себе, понимая, что любой гипотетический святой в ответ на его мольбы мог бы вполне справедливо ответить, что дорога ложка к обеду и что думать нужно было раньше. Думать раньше. Это могло бы быть лейтмотивом всей его жизни. Если бы он думал раньше, аккумулятор в его старой телеге не сдох бы в самый ответственный момент. Если бы он думал раньше, Антон бы не висел сейчас на волоске от военного рабства и перспективы быстрой гибели в чужой стране.

Они дошли до Тойоты и осторожно усадили Шолпан на переднее сидение. Худая мексиканка пристегнула её ремнями безопасности. Обхватив живот ладонями, просунув их под ремни, Шолпан подняла глаза на Валеру и тихо сказала:

— Скоро начнётся. Очень скоро. Я чувствую.

Веронике не пришлось ничего объяснять. Как по команде, она начала трещать по-испански с худой мексиканкой, и та понимающе кивала головой. Глядя на их диалог, Валера не переставал благодарить небеса за то, что Вероника брала в школе испанский в качестве иностранного языка. Что бы они сейчас без неё делали?

Через несколько секунд все они ехали в сторону хайвея.

— Её зовут Грасиела, — сказала Вероника, имея в виду худую мексиканку за рулём.

— *Мучас грасиас*, Грасиела, — сказал ей Валера, вспомнив едва ли не единственную ему знакомую фразу на испанском и увидел портрет святой на зеркале.

Женщина на портрете выглядела строго и раскачивалась в такт движению машины. Валера смотрел на неё и думал, что если всё сложится хорошо, то он изменится в лучшую сторону. Нет, скорее всего, он не станет религиозным в традиционном смысле этого слова. И почти наверняка не станет посещать церковь. Он даже чётко не понимал, в чём будут заключаться эти перемены. Но они произойдут, это он знал точно. Портрет, раскачиваясь, повернулся боком, и теперь ему казалось, что святая эта скосила на него глаза, как бы давая понять, что она услышала его мысли и приняла их во внимание. Тут же послышался слабый стон Шолпан.

— Началось! — сдавленным голосом сказала она и вновь застонала.

— Скажи ей, чтобы ехала быстрее! — нервно сказал Валера Веронике.

Грасиела сама вдруг выдала что-то на испанском с такой скоростью, что Валере показалось всё это одним гигантским в своей длине словом.

— Она говорит, что почти доехали! — сказала Вероника.

— *Almost there!** — добавила Грасиела уже по-английски.

Валера посмотрел вперёд. Трафик на хайвее был плотным, но двигался бодро. Огромная вывеска госпиталя Святого Петра уже маячила на горизонте.

* *Almost there* (англ.) — почти уже там.

Грасиела запарковалась прямо перед центральным входом в госпиталь и увидела, что полицейский Краун-Вик стоит неподалёку там же, где и когда она выезжала с парковки. На водительском месте сидел лысый полицейский в униформе и, казалось, жевал сэндвич. Она замерла за рулём, стараясь совладать со своим страхом, в то время как Валера и Вероника резко выскочили из машины и пулей помчались внутрь госпиталя сквозь прозрачные автоматически отрывающиеся двери. Полицейский, заметив это, отложил в сторону свой поздний ланч и вышел из машины. Одев на сверкающую лысину фуражку, он приблизился к Тойоте Грасиелы и, основательно осмотрев её со всех сторон, постучал в стекло. Грасиела изо всех сил старалась не показывать страха. Опустив стекло, она собиралась уже было сказать что-нибудь, как вдруг салон машины заполнился истошным воплем Шолпан. Полицейский всё понял и, потеряв интерес к Грасиеле, резко переместился к другой стороне Тойоты. Тут же из дверей госпиталя с криками выскочил обратно Валера и вместе с ним двое, мужчина и женщина, в зелёной больничной униформе с носилками. За ними выбежала Вероника. Спустя несколько секунд корчащуюся от боли, стонущую и матерящуюся по-русски и по-казахски Шолпан погрузили на носилки и повезли внутрь. Грасиела, мёртвой хваткой вцепившись в руль, не могла пошевелиться и с оцепенением следила за происходящим. Когда прозрачные двери закрылись, она посмотрела на кресло, где сидела Шолпан, и увидела, что оно обильно залито мутной жидкостью, капающей на пол. Полицейский захлопнул пассажирскую дверь и вновь обошёл машину. Стекло на двери Грасиелы было всё ещё опущено. Он внимательно посмотрел на неё и присвистнул:

— Молодец, вовремя довезла. Теперь езжай, тут нельзя парковаться.

Грасиела молча улыбнулась, растянув губы в неестественной улыбке. Полицейский говорил с сильным техасским акцентом. Совсем не так, как идеально поставленные голоса в программе Дуолинго. Но чудесным образом она полностью его поняла. Утвердительно кивнув, она завела машину и аккуратно двинулась в сторону хайвея.

Грасиела доехала до дома Марии и Дилана без приключений и ровно за двадцать минут. Она долго умывала лицо холодной водой в ванне, не веря в то, что с ней только что приключилось. Портрет Святой Каталины вновь занял своё место у распятия над изголовьем кровати.

Михаил КОВСАН
ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

СЛОВ И СНОВ БЕЗУДЕРЖНАЯ СВЯЗЬ

Слов и снов безудержная связь,
Четырёх не с чем-то, а с предплечьем,
Под водою язь выводит вязь,
Сочетая вечность и увечье,

Войны — вины — вено — и вино,
Поросль — похоть, подлость — понуканье,
Поезд прибыл — полустанок Дно,
С клёкотом — зегзицы воркованье.

Разве ей подходит ворковать?
Разве ей годится так глумиться?
Разве ей пристало воровать
Звук чужой — как в дом чужой вломиться?

Так ли, этак, только сон велит
Ворковать — куда же бедной деться?
Слово в сон, а сон ведь в слово влит —
Даже мысль не смеет отвертеться.

Что же тут о князе говорить,
И слова, и сны ему забава,
Ему в ночь пространство покорить,
Не то утром ждёт его расправа.

Под звездами князь выводит вязь,
Сочетая вечность и увечье,
Слов и снов безудержная связь,
Четырёх не с чем-то, а с предплечьем.

КАК СОЛНЦЕ ЮНОСТИ, СВЕТЛЕЙШИЙ АНАНАС!

Дров наломать с избытком, про запас,
Чтоб в дни, когда всё через пень-колоду,
Где заторчали мы, не зная броду,
Сияет во саду ли, в огороде,
Как солнце юности, светлейший ананас!

Курчавит у голодных на виду,
Отпугивая хлипкий призрак хлебный,
Для душ уставших, бают, что целебный,
Народники: народу не потребный,
Противники: но это же вуду.

И что с того? Не ананас, зато
Его даже прокалывать противно
Народной воле, ergo интенсивно
Испепелять и пусть ретроактивно
Искоренять зловредный фрукт, зело

Напакостил поэзии, его
Одни немилосердно почитали,
Другие во всю мочь изничтожали,
Одни дудели, а другие жали,
Четвёртым было, жуть, не до того,

А пятым... пятых унесли давно,
Не катафалк, не речи и не дроги,
А нечто... Скажем так, обряд убогий,
Сирот у Бога нет, как нет у Бога
И ананасов, слишком далеко

Заплыли мы за грозные буйки,
Не слышали — спасатели орали:
Не заплывать, но мы всё круче брали,
С судьбой поддато в поддавки играли
И прятались за близких и бугры.

Но этот так, метафора одна,
 А попросту: мы от себя сбегали,
 Там, за шеломянем — необозримость дали,
 Птицы, зверьё, которых не знавали,
 Невиданная здесь голубизна.

И — ананасы, это, ясен пень,
 Хоть так, хоть сяк, всё объяснять не нужно,
 Хоть прямо, хоть метафорой, натужно

Оружием и даже безоружно
 Во тьме ночной, тем паче в ясный день.

А пень со днём — прекрасней нету рифм,
 Хоть ананас с атасом и неплохо
 Для слуха, для гармонии, для слога,
 К тому же — не ищите! — нет подвоха,
 Надежду укрепляет кроткий ритм,

То есть, движенье мерное стиха
 От ананаса, дров — куда-то дальше,
 Туда перемещаться надо дольше
 И требуется дров гораздо больше,
 А ночь украинская вовсе не тиха.

Герой — Мазепа, Пётр — оккупант,
 А. С.? Тот враг, какого не видали!
 Обдать презрением! Уже давно обдали!
 Две стороны луны, две стороны медали.
 Одна! Н. В.? Больной коллаборант.

Как солнце юности, светлейший ананас!
 Сияет во саду ли, в огороде,
 Где заторчали мы, не зная броду,
 Чтоб в дни, когда всё через пень-колоду,
 Дров наломать с избытком, про запас.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ УЖЕ НЕ РАЗОМКНУТЬ

Порочный круг уже не разомкнуть,
Мысль обречённо боле не промыслить,
Перешибить, взметнуть, и разом — кнут
Над серой бесконечностью зависнет,

Но не опустится, порок не поразит,
Стволы сверкнут, курок не нажимая,
Жестокой жалостью по весям просквозит —
Волной в ответ дурь жирная живая.

И длится, длится без конца война,
Порочный круг кнутом не размыкаем,
И гложет кость усталая вина,
Сверкает ствол, пьяный солдат рыгает.

А НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

А на войне, как на войне:
Небо в дыму, земля в огне,
Вольная воля, смех и грех,
Война не время для потех.

Война, ваще, ни для чего,
Она — сплошное мочево,
Война для тех, кто затевал,
Им бы и падать наповал.

Здесь всё по морде, всё под дых,
Не до красот, до речевых,
Тем бы не жить, не затевать,
Самим с собою воевать.

БЛАЖИТЬ — НЕЛЕПО, НЕ БЛАЖИТЬ — ГРЕШНО

Отпразднуем назло и вопреки,
Неважно что, ведь главное — сам праздник,
Неважно где, в горах ли, у реки —
Дыша простором под блажные басни.

О том, о сём, всё больше о смешном,
От смерти смех — прекрасное лекарство,
Блажить — нелепо, не блажить — грешно,
Блаженным путь прямой в Господне царство,

В бескровно неземную благодать,
Где звуки сладостны, видения прекрасны,
Где право — лево, где ни дать, ни взять,
Где даже и вампиры не опасны.

Ну, клык между зубов его торчит,
Не острый, милый, очень симпатичный,
Где даже и горчица не горчит,
И бывший негодяй — пацан приличный.

Поэтому — во все литавры гром!
Трубы сполна вознаградить дыханьем!
Сегодня празднуем! А завтра? Суп с котом!
Мы празднуем — бессмертным в подражанье!

ЗАВОДНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Рождены мы были для побед,
для любви не изменной, но к долгу,
беззаветные величия осколки,
мы шагали лозунгам вослед.

Широка была страна для бед,
грудь была просторна для наколки,
сорняки обширны для прополки,
против нас врагов был целый свет.

Выше ноги, шире плечи,
глубже вдох, сильнее страх,
заводные человечки
заводных эпох и стран!

Насельники растаявшей той льдины,
были мы безмыслием едины.

НОВЫЙ ПЛУТАРХ, СРАВНИ И ОПИШИ

Новый Плутарх, сравни и опиши:
Адольф и Вовик — кто тебе милее,
Безумнее, отверженнее, злее,
Хотя воротит от двоих с души.

ПАЛАТА НОМЕР ШЕСТЬ ЗАБИТА ДО ОТКАЗА

Палата номер шесть забита до отказа,
В палате номер шесть большой ажиотаж,
Сегодня ВВП хватил блажной кураж,
Он всё вокруг крушит, непьющая зараза.

ЖИЗНЬ ИСЧЕЗАЕТ, КАК РЕКА ПОЧАЙНА

*Мені відкрилась істина печальна:
життя зникає, як ріка Почайна**

Ліна Костенко

Случайных созвучий негласная власть
неисцелимо печальна,
почила Почайна, катившая власть
воды, несчастья не чая.

В коварные сети попавшись, пропасть
и, впадая в отчаяние,
в полую пасть жадную пасть
к варвару — в плен, в одичание.

Полные сети извлёк Борисфен,
стал, кручи раздвинув, тучнее,
так слово неточное точит катрен,
не делая строки точнее.

Мне истина открылася печальная,
Жизнь исчезает, как река Почайна.

ЛЮБОВЬ ВЗАИМНА. И ПОСТАВИМ ТОЧКУ

Война, война, который день в грязи,
Стихи, стихи, безрадостные строчки,
Солдат бессмертен, с жизнью он в связи,
Любовь взаимна. И поставим точку.

* *Почайна* — река в районе Киева, в непосредственной близости от Днепра (Борисфена), которая была соединена с ним в начале XVIII века.

Лютующий февраль, зверея, очумел

Лютующий февраль, зверея, очумел
и, отменяя месяцы иные,
то менее, то более гнилые,
бесстыже начал бесконечно длиться
не в силах хоть бы как остановиться.

Он продолжается, как будто между дел,
которые доделать не успел,

летит как тень, надломленную птицей
До середины.

Что там? Там предел.
Вслед за землёю исчезают воды,
и если кто, бывает, залетел
непрошенный и сдуру вдруг запел,
то глушат эти звуки дни и годы,
но лучше бы поющий онемел.

Ведь немота, беззвучье милосердно,
антонимичное грохочуще посмертно.

Тут не до изысков, дым только б разогнать —
февральский пир кровавый скоротать.
А он кровавится, след оставляя красный
из тел, явившихся в прекрасный мир напрасно.

Февраль? Достать чернил — не лютовать,
пусть плакать — только бы не воевать,
из всех стихов в чести лишь аты-баты,
ведь чем глупцы богаты, тем и рады.

Рыжеет снег, ржавеют души, вой
восходит дымом ввысь, над головой,
рассеявшись, ложится жирным пеплом,
слой белый, рыжий слой и слой нелепый.

И главный слой — слой мерзкой мерзлоты,
безумный слой — слой зряшной пустоты,
озвученный базарнейшим бахвальством
и одобренный изящным каннибальством.

Как воды сковывают льды
февральской блажью,
своим безумием горды
волхвы вальяжно.

Февраль! Не холодно, не жарко, жутко сыро,
Тень белого коня горбатится над миром.

И будет бесконечно вечный рай,
Плоды бессмертия срывать лишь поспевай.
И юный старец, бодрый и счастливый
За веком век зелёные ест сливы.

Как многословен, как болтлив
февраль-жучара,
зелёных не хватило слив,
февраль-волчара?!

Февраль как эпитафию всему
на свете белом
с собою в дальний путь возьму,
чтоб вьюгой пел он.

Убить февраль? Переименовать?
Отныне лютым месяц называть?

Летит-летит до середины птица,
февраль, лютуя,
длится, длится, длится.

ИМПЕРСКИХ ГОРОДОВ НЕСПЕШНАЯ СУДЬБА

Имперских городов неспешная судьба,
велеречивая, кровавая, святая,
что жизнь имперская, игра или борьба?
Чем ни была б, как снег, нечисто тает.

Вокруг жемчужинами острова,
белеют облака, голубизну латая,
извечные имперские права
на всё и вся, от ада и до рая.

Ну, кто посмеет, кто же возразит
имперским городам, у них на страже
величия львы каменные, даже
могуче медный, вздёрнут и грозит.

Воздета ввысь бессмертная рука,
под ней покорная империи река.

ОБ АВТОРЕ

Михаил Ковсан родился и вырос в Киеве. Закончил филологический факультет Киевского пединститута. Был старшим научным сотрудником музея книги и книгопечатания Украины.

В 1991 г. репатрировался в Израиль. С 2000 по 2008 гг. — раввин общины Йовель консервативного движения Израиля.

Автор комментированного перевода ТАНАХа на русский язык, ряда книг по иудаизму и литературоведческих статей (русская литература, теория литературы).

Прозаик, поэт. Автор многочисленных публикаций в бумажных и электронных журналах, двух книг прозы и трёх поэтических сборников.

Живёт в Иерусалиме.

Постоянный автор журнала «Времена».

Игорь САЛИКОВ КРИВАЯ ВОЙНА 24/02/2022

*...Что делать, если ТЫ НЕ СПОСОБЕН
стать жалким винтиком в чудовищной
военной машине?*

Э. М. Ремарк,
«Время жить и время умирать»

18 декабря 2023 года в пред рождественскую неделю уходящего года в главный аэропорт Нидерландов Схипол (Амстердам), расположенный в 45 км от Гааги (штаб-квартира Международного Уголовного Суда) рейсом KL598 из Кейптауна (ЮАР) прилетел офицер военной разведки (ГРУ) Минобороны РФ Игорь Саликов.

Экс-начальник 4 отдела Управления спецопераций так называемой «Генпрокуратуры ДНР», он принимал участие в боевых действиях и спецоперациях на территории востока Украины в 2014–2015 годах. В 2017 году был старшим инструктором «ЧВК Вагнер» в Сирии и в феврале 2022 года командовал одним из подразделений «ЧВК Редут» Минобороны РФ во время вторжения в Украину в ходе полномасштабной войны.



Игорь Саликов

За неделю до прилёта Игорь написал явку с повинной на имя прокурора МУС Карима Хана и председателя МУС Петра Хофманского, которую передал в Gulagu.net для доставки в Гаагу. Основатель Gulagu.net Владимир Осечкин в Амстердаме зарегистрировал в системе документооборота МУС заявление на 3 листах явки с повинной Саликова И. Р., а также его фото с надписью «НЕТ ВОЙНЕ!» и дополнительными материалами.

Осечкин обратился к руководству МУС с ходатайством об обеспечении мер безопасности Игорю Саликову — важному свидетелю, который с лета 2023 года по видеоконференцсвязи давал показания прокурорам Офиса Генерального прокурора Украины и ожидал приглашения на допрос к следователям ОТР ICC (МУС).

С учётом возросших рисков для Игоря и его семьи, после начала «охоты на него» со стороны спецслужб РФ и нависшей угрозы внесудебной расправы, он принял решение прилететь самостоятельно в Гаагу и запросить политическое убежище от возможной расправы и преследования, но не иммунитет от уголовного преследования со стороны МУС.

Экс-полковник Саликов готов понести ответственность за соучастие в агрессии против Украины и глубоко раскаивается в том, что принимал в этом участие.

После бегства из России он написал книгу о событиях 2014–2015 и 2022 годов и книгу «Вагнер: Армия Кремля», чтобы рассказать миру о произошедшем и помочь общими усилиями прекратить войну.

С МУС его отношения закончены год назад, в мае 2024-го. Детали мы не можем освещать, ибо это секретно. Но выделим главное — к И. Саликову вопросов у гаагского суда больше нет. В Нидерландах он под защитой спецслужб Королевства и от российских спецслужб защищён.

Автор передал журналу «ВРЕМЕНА» фрагменты книги о вторжении российских войск в Украину и его личном участии в боевых действиях и спецоперациях. Мы публикуем этот текст с небольшими сокращениями.

* * *

НАЧАЛО ВТОРЖЕНИЯ

24 февраля 2022 г. Где-то около полуночи в небе появились характерные вертикальные проходы от ракетных ударов. Эта баллистика поразила наше воображение, всё это было похоже на молнии Зевса, прорезающие небо. В общем, снова «гибель очередной Помпеи». Над близлежащим лесом прокатился знакомый рёв винтовых машин, позже смешавшийся с рёвом турбин самолётов. Судя по звуку, промчались Су-27, а за ними уже шли «тяжеловозы», штурмовики и бомбардировщики. Так как мы находились в лесу около наспех обустроенного «ЗНП» (замаскированного наблюдательного пункта) то сразу бросились туда.

Окрестности в векторе «на юг» просматривались хорошо, приборы «ДР» были не нужны.

Первым сюда прибежал Лёха Пугов по прозвищу «Пуго». Мы с Зевой подоспели позже. Пуго — здоровый сорокашестилетний мужик, который всегда бегал на большой скорости и опережал всех «малолеток». Так мы потом звали с ним всех, кто был моложе сорока. Его энергия не совсем соответствовала его внешнему виду. Лёха лишь на первый взгляд казался неповоротливым — потенциал парня был непредсказуем. С виду добрый малый, он порой вдруг оказывался безрассудно жестоким и полностью погружённым в военную обстановку дикого безумия. Хотя это и могло быть маской, а в душе скрывался очень ранимый человек. Скорее всего так. Иначе парадокс внешнего вида и сути человека не объяснить.

Лёха никогда не думал о том, к каким последствиям могут привести его действия. Если уж стрелял — то привет родителям. В общем шума от него было много. Он также ловко управлял организационными вопросами, поэтому быстро оказался в руководстве нашего отряда. Ещё до прибытия в Луганск Пуго попал в кадровую службу сформированной группы специального назначения. Долго всё объяснять, но, если коротко, это всё делалось в системе подготовки к гибридной войне.

Сначала в Генштабе МО РФ создавались отдельные небольшие группы по типу немецкой *Einsatzkommando* для выполнения специальных задач на территории противника. Потом генерал армии Герасимов отдал приказ о создании батальонно-тактических групп — БТГ. Пуго до этого служил в 16-й отдельной бригаде «СпН ГРУ», и его попросили приглашать своих однопольчан в эти секретные коллективы. Пообещали много хорошего. Главное, денег. Пуго стал моим единственным другом на этой войне, потому я расскажу об этом парне немного подробнее.

У Лёши было сильное чувство юмора, он шутил на любую тему. Его юмор всегда был на грани. Например, забавная история заканчивалась простым вопросом: «А ты убьёшь человека ножом?». Это многих ставило в тупик, и Пуго этим пользовался. Этот парень легко определял успех в любой предстоящей войне, в основном по старинке. Алексей всегда связывал будущую победу с количеством «магазинов» для своей штурмовой винтовки. «Магазины» на душу населения были его мерилем. Если «магазинов» мало, война будет проиграна.

Известный как огромная передвижная сцена «юмористического клуба», он поражал своими познаниями в дебильном индийском кино, от просмотра которого болел живот (от смеха). Пуго выискивал в бол-

ливудских блокбастерах таких персонажей и такие сюжеты, которым позавидовали бы великие мировые комики. Это был талант на кринж. Можно сказать, что его оружием был смех. Он мог бы работать стендапером. Но не только. Эзотерика была его философией мира. Конечно, присутствовала и обратная сторона — он просто наживал вокруг себя кучу врагов. Но тем не менее мы сдружились...

Вид с ЗНП, как я уже сказал, был хороший. Горело зарево. События над Киевом разворачивались, но уже сместились ещё и на восток. Там часть неба закрывали могучие сосны, обзор сокращался, но и так было понятно — идёт атака на аэропорт. Но яркие вспышки были видны сразу в нескольких местах.

Вскоре небо разрезали следы от баллистики. Они нарисовали инверсионные следы и осветили безмятежную украинскую ночь красно-жёлтыми, разросшимися по ширине, шарами взрывов. «Вторжение» началось.

— Что говорят тебе твои шаманы по этому поводу? — спросил я у Алексея.

Его мастерство эзотерики сейчас было востребовано.

— Похоже, вот он, ад?!

Пуго усмехнулся.

— Шаман, — протянул он, — он много чего наговорил. Главное от него, чтобы мы сейчас не попали в жопу. Для нас всё закончится хорошо... Хотя будут нюансы...

— В целом или конкретно?

— Я говорю за нас. Мы останемся живы... Но, в общем, это всё полная чушь, и надолго... Года на два, на три...

Я понимающе кивнул головой. Но Алексей уже не молчал.

— И позывной тебе менять не стоит... — добавил он.

Я вопросительно посмотрел на товарища, ничего не говоря.

— Неважно... Так сказал шаман...

«Удары» ушли вглубь Украины, и победа, казалось, была уже близко. Это разрушало прогнозы Алексея и его психодуховные практики. Казалось, что всё уже решено, а колдун моего друга был простой метафизической пустотой. Просто сегодня «модно» иметь личного шамана. Путин и министр Шойгу часто ходят к шаманам.

ПЛАН «РЫЖИЙ ЛЕС»

Вернусь немного назад.

Шли учения «Союзная решимость 2022». Мы прибыли в леса у границы 21 февраля. По дороге картина более-менее стала ясна. Кругом шны-

ряли военные, а на трассе мы наткнулись на колонну с ракетными комплексами «Искандер». Военная колонна направлялась на Запад. Прибыв в густой лес, разместились как положено. Здесь не разберёшь, где находишься и где граница. Перейдёшь тропинку, и ты хлоп, уже в Украине. Это «Зона отчуждения». Зона Чернобыльской катастрофы 1986 года. Кто-то из ребят в шутку назвал это место Свободной экономической зоной. И территория аварии на ЧАЭС — это действительно «свободная экономическая зона», потому как всем на неё наплевать, и контрабанда тут процветает ещё с 90-х.

Все давно забыли о ней и не испытывают свою судьбу. Сюда вернулись только те, кому больше некуда идти, отчаянные местечковые бизнесмены, ну и ебанутые сталкеры. Конечно, оффшорная зона — это шутка, но нужно помнить пословицу про шутки. Сколько их в сегменте... каждой шутки.

Опасно было тревожить местную почву колёсами огромного количества техники. Это факт. Радиация, может быть, в пределах нормы по общим показателям, но она оседает в земле, и надолго. Мы её тревожили, и огромное количество людей вдыхало эту пыль. Врождённое равнодушие к мелочам — элемент «русского мира». Вначале войти в Зону, а потом уже тебе подвезут противогазы. Хотя отечественные армейские противогазы ПМК-1, которые раздавали, никто не надевал. Заниматься сборкой и подгонкой этого дерьма не пожелали. Вторичные последствия никого не волновали. Вместо этого два ящика средств защиты дыхательных путей и глаз выкинули в овраг.

Конечно, американские М-50 лучше. У кого были, носили. Опасность всё-таки имела место, что ни говори. Уцелевшая в боях военная техника, которой удалось выйти в апреле в Белоруссию, излучала повышенный уровень радиации. Картофельный фюрер приказал провести срочную дезактивацию. Бздел фюрер за своё здоровьице.

Наши товарищи в командировке провели в этом лесу больше времени, чем мы. У них доза облучения была круче. Через пару дней накапливалась неприятная цифра. В принципе, чернобыльский паёк (тариф ликвидатора) уже должны были выдать. Такая же доза была в своё время в Хвастовичах Калужской области, и им выдали статус поражённой зоны.

Долгие последствия для людей всегда мало кого волновали в России. Есть же анекдот про русского солдата в момент ядерного взрыва. Старшина спрашивает солдат, что нужно делать при виде характерного «гриба». Отвечает рядовой Иванов. Браво так и с оттяжкой: мол, надо

встать лицом к взрыву, и вытянуть оружие вперёд, чтобы раскалённый металл ствола не испортил казённых сапог.

В общем, эти учения состояли полностью из таких мелких сюжетов. Каждое подразделение, получив свою «легенду», отрабатывало детали. Кто-то стрелял, кто-то маршем перекидывался к границам Польши. Не мне одному казалось, что все эти хитрые манёвры — обычная кремлёвская пугалка. Бряцание оружием, чтобы западному супостату лихо было. Такие вещи порой необходимы. Понты те же деньги — говорят. У нынешних русских генералов только это и работает. Ранее тоже всё решалось тупо и шиворот-навыворот. А при Путине и Минобороны от Шойгу с этим делом вообще мрак. Моя бабушка говорила: «С виду-то одеяло вроде как есть, а вот накрыться им не выйдет». Так и тут, вряд ли эти картонные «фельдмаршалы» решатся войти в ситуации долголетнего противостояния с мировой цивилизацией, если только кто-то не решил накрыться медным тазом. Щёки надувать — это одно, а вот воевать и победить, это другое.

Мне так тогда казалось. И всё-таки не верил я в полный идиотизм эшелонов власти. Подробности военных манёвров указывали и на возможный поход в Польшу. По крайней мере, у меня такое подозрение возникло. Но кто ж на такое решится? Ну, не идиоты же кругом?! Чуйкой или умом это именуют. Как-то так.

Передвижения западных групп выглядели как вторжение вдоль границы с Литвой, в сторону Сувалок. Теперь понятно, делалось это для отвлечения внимания. По-военному называется «размытие» информационного и разведывательного потенциала вероятного противника.

Украина никого не привлекала, никто из «стариков» не хотел там воевать. Это было противоестественно сознанию постсоветского человека. Ходили уверенные слухи, что мы в Украину не пойдём. Напугаем просто и уйдём, как из Донбасса.

Планируемые манёвры выявили ещё один факт — техника, привезённая сюда с Дальнего Востока, была старой, без должного обслуживания, и ломалась. Где с такой воевать? Братцы украинцы — это не папуасы, они такие же, как и мы, стойкие, если что. Поэтому думали, что манёвры просто пугают Европу. Господин Путин любит это делать.

Правда, было и другое мнение. Я разговаривал с одним из тактических командиров реактивной артиллерийской дивизии, и он мне рассказал о расстояниях от учебно-боевых задач до целей для своей батареи и дивизиона. Они соответствовали расстоянию до укрепрайонов Киева, а также до постов НАТО в Восточной Европе.

ТРИ ШПИОНА

Мне дали трёх секретных агентов, которых мы прозвали Моргунов, Никулин и Вицин. Эта троица полностью соответствовала звёздному бренду юмористической команды советского кино. Это были имена звёздных актёров прошлого. Кроме того, одного из бывших сотрудников украинских спецслужб действительно звали «Никулиным». Правда, в нашей версии «Никулин» и «Вицин» поменялись местами. Вицин был высоким красивым мужчиной, а Никулин — невысоким парнем. Это были жертвы Майдана, перешедшие на нашу российскую сторону в 2014 году. У каждого была своя трагедия. Оперативник СБУ Моргунов подвергся люстрации и даже провёл месяц в тюрьме. Потом его выгнали из СБУ. Вицину повезло меньше. Он был сотрудником украинского «Беркута» и провёл в тюрьме два года. Он рассказывал, что его там избивали и пытали. Его даже увозили на расстрел и издевались над всей его семьёй. Новые следователи пытались повесить на него расстрел на Майдане. Наши спецслужбы обменяли его вместе с Никулиным (тоже бывшим сотрудником СБУ). Обмен состоялся на сотрудников спецслужб новой Украины, которые были захвачены силами Ополчения Донбасса.

Конечно, у этих ребят была своя мотивация не любить киевскую власть. Но они не понимали, во что ввязываются и какой зверь вторгается на их родину. И все они стали частью тайного плана моего подразделения.

РАССКАЗ ДЕДА О «МЕСТИ НЕГОДЯЕВ»

Из центральной Беларуси продолжали прибывать машины с новой техникой. Все они скапливались в районе старого лесничества. Здесь я встретил нашего Деда, мужика из моего взвода. Командира огневой группы. Его я не видел уже давно. С полигона Дед угодил в госпиталь, а потом откомандировали на Урал для получения техники. В Беларусь в район учений прибыл с колонной.

Бывший спецназовец Малорин Серёга по кличке Дед прошёл две чеченские кампании в спецназе ГРУ, слыл любителем индивидуальной подготовки бойцов и всякой подобной херни. По идее уже в наши дни неэффективной. Но Дед считал иначе.

Он дал мне знать, что хочет поведать важную информацию. Но долго докучал батальонный химик. Его «отфутболивание» заняло время. Этот химик уже всех задолбал своими рассказами о радиоактивных деревьях.

Дед отозвал меня в сторонку и рассказал кое-какие новости. По дороге он подслушал разговор приятелей контрактника Мандарина. У нас

в части был такой персонаж. Я приказал арестовать этого урода после того, как они вдвоём устроили налёт на патруль. На гауптвахте его избили. И за это эти дружбаны решили меня «обнулить».

Я принял информацию Деда, но не воспринял её всерьёз. Одно говорят, другое делают.

— Они хитро поступят, — объяснил Дед, — когда поведут батальон обратно, они вас там встретят.

Я улыбнулся. Когда выведут батальон, одному богу известно. И все ли выйдут? Ещё столько воды утечёт. А кто нас встретит? Хрен поймёшь!

Но я всё же решил проверить дружбанов Мандарина. Выстрел в спину никто не отменял. Уже на базе в г. Лутугино в части создалась нездоровая атмосфера «дикого вагнеризма». Конечно, большинство контрактников были из «Вагнера», их выгнали из этой армии. Нетрудно понять, что это за личности. Начальник штаба Колобок Юрич, командир нашего отряда Лесник и я пытались исправить ситуацию. Пришлось избить некоторых из них. Они не поняли по-хорошему. В итоге что-то получилось.

Я успокоил Деда, и мы пошли по своим делам.

ПЛАН ВЗЯТИЯ КИЕВА

Ещё сутки отряд комплектовался и получал технику. Распределение задач также было хаотичным. Батальон включили в «северную группу» войск и приказали на всю технику нанести знак «V». Мы даже нарисовали знаки на крышах машин, чтобы защититься от атак братских самолётов. От этого ситуация яснее не стала.

На нашем тактическом уровне командиров всё стало ясно, когда Путин по телевизору объявил о признании ДНР и ЛНР. Он собирался денацифицировать Украину. Мы утратили все иллюзии и молча обалдевали. Теперь все обращали внимание на взаимодействие родов войск. Здесь собралась полная солянка. Все из разных ведомств. А визуализация в ВС РФ — основной источник связи и идентификации. Личный состав должен был быть помечен белыми полосками на правом предплечье и левой ноге. Каска тоже была помечена. Там должна была быть белая полоска. Это предполагало систему распознавания «свой» и «чужой».

Приказы быстро менялись. Понятно, вся путаница шла сверху, дело привычное, но такого бардака я не предполагал. Наш штаб пытался исправить путаницу Главного командования, но получалось всё равно смешно. Мой взвод был приписан к аэродромной группе десантно-штурмового значения. Мы должны были высадиться с подразделением ВДВ на вертолётах. Поэтому боевых машин нам не дали. Нам приказали

сдать все машины и крупнокалиберные пулемёты к хренам собачим и ждать в лесу с радиацией команды. А на следующее утро этот приказ вновь отменили. Нас вернули на исходную позицию и приказали теперь принять снова пикапы. Но там все разобрали и осталась плохая техника, которую нужно было ремонтировать. Всё это выглядело, словно над нами кто-то издевался.

Ближе к ночи пришёл новый приказ. Командиры оперативно-тактических групп были вызваны на совещание к товарищу Леснику. Мы смеялись над новыми аэродромными группами. Все шутили, что снова прикажут машины сдать. Больше всех шутил Пуго, это его конёк. Но пикапы не отобрали. Совещание проходило в полевом штабе — в лесу. Начался дождь. Крышу над головой мы сделали из плащ-палатки. Место выбрали, по общему мнению, без опасных деревьев. В луче фонарика сверкали карты обозначенных дорог Киевской области. Я узнал штабные стрелки-указания по Днепру.

— Всё не так страшно, как казалось, господа-товарищи, — бодро доложил полковник Лесник. — Двигаемся в составе своего коллектива, но обеспечиваем продвижение батальона.

Он был бодр и весел. Наконец-то стало ясно, что движение по земле и никаких вертолётов не будет. Все вздохнули с облегчением. Лесник говорил с энтузиазмом отважного командира, как будто он сейчас командует Висло-Одерской наступательной операцией. Это из истории Второй мировой войны.

Василич (отчество Лесника) был человеком небольшого роста, но с большими амбициями. Он рассказал подробности нашей конкретной «поездки» в Киев. Для этого нам вначале нужно было ворваться в Гостомель, чтобы поддержать десант. Там предстояло оставить всё лишнее (шмурдяк), а затем уже атаковать центр Киева. Наши вещи нам очень мешали, потому что мы двигались сюда как цыгане. Нам не нужны были лишние тылы на набережной Днепра. Для боя важно быть налегке с тем, что конкретно нужно. Это вызвало много вопросов у командиров звеньев. Товарищ Лесник быстро всё это пресёк в свойственной манере. Он сказал, что десантники захватят аэродром, затем туда приземлится пара военно-транспортных самолётов с дополнительными десантниками. Эти ребята будут контролировать дорожные узлы. Нам только разить по дороге разрозненные группы отступающих. Мы войдём в город, как нож в масло.

Данные разведки от такой бравады отличались. Я пытался сделать предположение обо всём этом на основе данных разведки, но мне заткнули рот. Я молчал, чтобы не прослыть трусом. На карту полил дождь.

Лесник нанёс нам последний информационный удар — озвучил боевой приказ относительно действий каждой группы. Моя группа должна была захватить здание СБУ.

— Ваша назначенная тройка начнёт работать, как только здание будет под вашим контролем, — сказал Лесник, что-то отмечая на карте, — десантники вас здесь поддержат...

Он снова ткнул пальцем в карту.

У меня были сомнения, сможем ли мы туда добраться. Но я промолчал. А вот Саша Дум, командир 1-го взвода, ожил. Он напомнил мне о неподготовленных крупнокалиберных пулемётах «Утёс».

— Они не стреляли даже на полигоне, — добавил Дум.

— Да ну их на х...! — парировал полковник Лесник. — Пара очередей по е... чим хохлам всё решит. Не отвлекайся, Саша. Не бери пример со Змея. Он вечно всем недоволен...

Змей — мой позывной. И я не понял, какого хрена что-то звучит в мой адрес? И когда я чем был недоволен не по делу? Я обиделся, но промолчал. Причина реплики командира могла свестись к обычным понтам перед подчинёнными. Такие шутки даже не шутки, а поддёбки. А это уже ответка. А срывать совещание мне не хотелось. Это только повод снова лить дерьмо в мой адрес.

Тем временем Василич продолжил.

— Пойдём через Припять...

Мы уставились на карту. Стрелки-отметки упирались в посёлки «Новые Петровцы» и Вышгород.

Шутник Лесник указал ещё на пару промежуточных населённых пунктов непонятного назначения. Плановую остановку в городах Оболонь и Горенки вряд ли можно было спланировать. Откуда там взялись десантники? Кто всё это подготовил и кому можно доверять? Мы с лейтенантом Думом переглянулись. Теперь мы оценивали ситуацию одинаково. Всё выглядело как полная чушь.

Затем задача была поставлена группе командира 2-го взвода. «Линкор» был шустрым и послушным для Лесника. Ему нужно было перекрыть насыпь с другой стороны и удержать северную развязку в ожидании украинских армейских резервов или территориальной обороны из Гидропарка. Даже «Линкор» фыркнул.

Мой заместитель Кипарис, который до этого молчал, выразительно посмотрел на меня и выругался. План идиотов.

Потом пошла критика. Наши вопросы и прения были жёсткими, но хрен ли толку от них. Лесник отвечал по-военному сурово: «Вы должны уметь держать х... в руке, ребята. А иначе сидите и ссыте как девчонки».

Забавно. Я даже присвистнул, представив, как мы все сидим в кустах и поливаем, словно пожарные из брандспойтов. Охренеть!

Лесник казался настоящим героем и крутым парнем. Это меня расшемило.

Дождь усиливался. Палатка не выдержала и повисла на головах. Вода плескалась и булькала. Лесник решил прекратить прения и закончить инструктаж.

— Привести всех в боевую готовность, и по команде вперёд... Приказ есть приказ.

Мы пошли приводить в боевую готовность наши «мокрые» войска.

...РОВНО В ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Всё началось в назначенное время. Пришёл приказ «По машинам!». Мне было приказано возглавить передовую группу, по сути, разведывательный авангард. Густота кустарников в лесу поражала воображение. Кусты напоминали растущий азиатский бамбук. Шуметь было нельзя, приходилось объезжать. Там, где были проходы через лес, была опасность нарваться на украинцев. Это были пути контрабанды в приграничную зону. Засадное место.

В наушнике послышался треск рации. Через секунду рядом выросла крепкая фигура Пуго. Его лицо было намазано чёрным камуфляжем. Он купил специальную смесь для грима в магазине «Военторг» в городе Сураж Брянской области. Пуго действительно был неузнаваем. Оказалось, что разведчики наткнулись на какой-то отряд впереди. А на дороге стоял расстрелянный автобус. Пуго озвучил информацию: наши спецназовцы убили по ошибке мирных жителей и теперь переодевают тела в военную форму.

— Заматают следы, — пояснил Пуго.

— Тебя не срисовали? — спросил я.

— Оскорбляешь, шеф.

Недолго думая, я дал команду «отход». Нам тут делать было нечего. Мы вернулись к машинам и двинулись вперёд по шоссе.

Не знаю почему, но я вспомнил своё золотое детство и тот автобус, в котором, по рассказам бабушки, я родился. Этот автобус не просто образ, он действительно часть моей жизни. Кто-то рождается в автобусе, кому-то суждено умереть в нём.

Жизненный путь может начинаться по-разному. Мой начался в конце 1963-го в рейсовом автобусе. Родители ехали в деревню к бабушке на каникулы. В стране праздновали очередную годовщину Октябрьской

революции. Демонстрации и всё такое. А маму высадили и отправили в роддом посёлка Льва Толстого Калужской области.

Там, на улице 1 Мая, я и родился.

В родильном отделении дежурила няня-медсестра тётя Маша. Имя этой женщины я узнал от бабушки. Няня эта была заслуженным советским человеком, воевала с немцами и имела все основания хорошо праздновать. Тётя Маша и предопределила мою судьбу. Я родился утром 9 ноября, и был... потерян. Трудно представить, тем не менее такой факт произошёл. Возможно, тётя Маша слишком весело отпраздновала... Слава богу, меня нашли через день, когда мать и отец забили тревогу.

Как-то я прочитал вещь одного автора блога. Она заставила меня по-другому взглянуть на свою жизнь. Оказывается, такие, как я, почти потерянные с самого начала жизни, и есть настоящие пассионарии. Они обречены скитаться в поисках дома и занятий. Дом и справедливость стоят в одном ранге в картах судьбы. Холод этого Мира и одиночество — это серьёзно... Мы выживали вопреки всему. В наши души вбивали патриотическое воспитание, которое так тогда не называлось, но подразумевалось. Мы росли как обычные молодые люди 70-х. Носили американские джинсы, слушали западную музыку и всё такое. Но в глобальном плане почти все были готовы бороться с империализмом США. С 7-го класса начали ходить на уроки военной подготовки.

Я решил стать военным моряком. Мечты о море давно будоражили воображение. Они наложились на любимые книги про отважных пиратов. Но не всё оказалось просто. Я не смог закончить Ленинградское военно-морское училище. Случай подвёл меня. Мы были в самоходе и подрались с местными жителями. СОЧ — самовольное оставление части. Попал на гауптвахту и отсидел 10 суток ареста. Начальник училища вызвал меня к себе.

«Зачем ты подрался, курсант?» — спросил контр-адмирал Каравашкин. Торжественное молчание — обычное дело в такой ситуации. Я молчал. Курсант Михайленко был со мной в самоволке и в отделе милиции города Петродворец, куда нас доставили. Он был сыном высокопоставленного морского офицера с Тихого океана. Я взял всю вину на себя, чтобы не подставлять парня.

Меня могли просто отчислить и отправить в войска — гражданское законодательство на нас не распространялось. Но это могло стоить отцу курсанта Михайленко карьеры. А начальник училища хотел убедиться,

что я не сдам своего друга военной комиссии. Морской закон суров. Я убедил контр-адмирала, и он смягчился ко мне.

Короче, меня отчислили из училища и отправили служить в пожарную часть с условием, что смогу через год вернуться на младший курс.

Это было круто, но у меня поменялись планы. Я написал рапорт и попал на войну в Афганистан. Попав в действующую армию, понял, что это не шутки. Был ранен. Ранение исковеркало мне не только ногу и задело затылок, но и мою душу. Я не мог понять, почему эти люди, которым мы шли помогать, стреляют в нас? Я тогда многого не осознавал...

После госпиталя я служил в Туркестанском военном округе в спецназе, пока наш полк не расформировали.

А дальше... Дальше развал страны, крах надежд. Бандитская Россия и тупик.

Наплевав на прежние постулаты советской пропаганды, я стал наёмником за границей. Тогда чёткого определения таким воякам не было, но ещё со школы мне запомнились телепередачи — солдаты «джи-ай». Так тогда именовали «нестроевых» наёмников.

Не буду долго рассказывать, но к 2014-му, началу трагедии на Украине, я подошёл усталым офицером, для которого война была единственным занятием.

ФРОЛ

...Войны начинаются не на поле боя, а совсем в других местах.

Лето 2021 года. Пандемия оставила ужасные следы, принесла убытки. Всем нужны были деньги. В августе позвонил знакомый и попросил встретиться. Сказал, что ему есть о чём поговорить. Наше знакомство началось на съёмках одного фильма в Крыму, где я был военным консультантом. А Сергей Фрол — представителем спецслужб. Он назвался сотрудником некоего «пятнадцатого» из Пограничного управления ФСБ по Крыму.

Я представился владельцем закрытого клуба дайверов «Тортуга». Они были хитрыми, ну и я тоже. Мы встретились в ресторане города Судак. Серж был не один, а с другом. Я нашёл их в шумном большом зале санатория, они уже заказали огромную тарелку фирменных мантов и пива. Фрол познакомил со своим другом. Это был парень лет тридцати, невысокий, с типичной внешностью «сотрудника» отдела технического обеспечения «конторы» (ФСБ) в звании, наверное, не выше старшего лейтенанта.

— Это Дмитрий, — пояснил Серж, — мы работаем вместе...

— Что за тема разговора, — с места в карьер спросил я.

— Есть возможность поработать. Нужна небольшая, но боеспособная группа, — пояснил Фрол. — Человек десять. Плюс, в состав войдут трое кадровых комитетчиков.

— Понятно... Трое умные, остальные красивые... — пошутил я.

Мы посмеялись. Потом Фрол спросил, есть ли у меня пара человек из Украины. Типа, нужны носители языка. ...

Ой, упс... пронеслось у меня в голове. Я зарёкся ехать на Украину. Теперь мне нужно было умно уйти.

— Нет, не получится. Я уезжаю в Армению... Значит, ребята, проехали... забыли.

Я уехал. В октябре, когда вернулся в Краснодар, Фрол снова связался со мной. К этому времени от одного из своих «однополчан» я узнал кое-какие подробности. Оказывается, сформировали таких групп много, штук десять точно.

— Ну, как? — переспросил меня Фрол, — готовиться в лагере месяц, два..., может, больше.

— А подробности?

— Подробности только на базе... Извини, чувак...

— Нет... Серёга. Извини... я пас. Я поговорил с ребятами, неинтересно... Все заняты...

Фрол не успокаивался.

— Ну, отправь мне данные по группе. Может, ещё наберу... Пока генералы все бумаги не одобряют.

— Нет, брат... ничего не отправлю...

Одно было понятно: как минимум, на стыке двух ведомств секретно создавались тайные группы участников диверсий в Украине, раз требовались местные. Я решил уточнить.

Я встретился со своими товарищами Олегом и Дмитрием, которые были экспертами в этой теме, и вращались в ветеранских кругах. Они единогласно заявили, что этого не может быть. Олег этого вообще не допустил, а Дмитрий предположил скорее поездку в сторону Казахстана или Армении. Он слышал, что предпосылки нестабильности предвидятся там.

— Украина не может быть... мы туда не пойдём! Это бред! — заключили мои эксперты.

Даже мой довод про украинский язык их не переубедил. Ребята в один голос заявили, что это «панама».

— Путин, конечно, сильнее европейских политиков. — сказал Димон, — но не дурак. Не сходится.

И тут Дмитрий вдруг рассказал мне одну вещь. Его друг недавно вышел в отставку, вышел срок. И ему поступило предложение приехать в Ростов-на-Дону в группу «Редут». Дмитрий спросил меня, знаю ли я об этом «Редуте» что-нибудь?

Я ничего не знал, но на заметку взял. И вдруг через пару недель мне звонит старый приятель Миша Ректор и даёт телефон Колобка, бывшего зама известного командира бригады «вагнеровца» Димы Уткина. И оказалось, что Юрич является в загадочном «Редуте» от Министерства Обороны начальником штаба. Юрич после провала одной из операций был весь секретный, и ничего толком мне сразу не сказал. Но через день перезвонил и попросил сбросить мои данные. Потом по смс пришёл номер телефона координатора-вербовщика. Связались. Сказали прибыть в Ростов-на-Дону. Там на машинах 22-й бригады спецназа ГУ ГШ нас повезли к границе в ДНР. На пересылочном пункте объяснили мне о тайном формировании новой дивизии Минобороны РФ в Луганске. Она будет комплектоваться там, и контракты заключаться будут тоже там. Короче, всё на официозе.

С Юричем я созванивался, и он мне подтвердил все эти вещи, даже назвал направление — Таджикистан. Из уст Юрича любые вещи всегда звучат убедительно.

Рядом со мной на скамейке сидел бородатый мужик, которого я узнал по 10-й бригаде, а также по ЧВК Вагнера. Его кличка была Прибой. Чувак из спецподразделения «Сенеж», и в «Вагнер» у него были проблемы, не вписывался. Все военные специалисты, выброшенные из армии реформами, рано или поздно попадали в «ЧВК Вагнера», но не все они туда вписывались из-за разного отношения к деталям. Меня тоже признали. Встретил парня, с которым под Акирбатом были, где шли бои за дорогу к реке Евфрат и к городу Дер-эз-Зор.

На полпути, у Таганрога, выяснилось, что мы едем в Луганск, через ДНР. Это удивило многих. Оказывается, официальная информация для всех была насчёт «Казачьих лагерей» под Новочеркасском. В общем, туман только сгущался. Пришлось объяснить ребятам, что ЛНР сегодня лучшее место для формирования новых структур. Заодно и украинцев поугатать можно, чтобы к границе не лезли.

На территории ДНР нас уже ждали серые фургоны-«Буханки», новые отечественные микроавтобусы УАЗ-2023. «Новые» — понятие относительное. Этому историческому шедевру мысли, в смысле модели, уже больше 60 лет.

ПОЗЫВНОЙ «ГРОМ»

Мы долго тряслись в этих новейших гравицапах. Пару раз чуть не слетели со скользкой дороги. Хвалёные армейские мосты этого УАЗика тоже оказались муляжом. Зато я снова познакомился с парнем из 7-й воздушно-десантной бригады, с которым мы уже пересекались там в 2008 году, в Новороссийске. Громкий позывной «Зверь» говорил сам за себя, хотя на деле мой новый друг оказался очень добрым парнем. Он уже ехал в конкретный отряд к конкретному человеку. Он сказал, что на разведку. Я решил представиться здесь своим новым позывным «Гром». Старый надо было менять от греха.

На место мы прибыли ближе к полуночи. «Буханки» привезли нас прямо за ворота какой-то танковой или артиллерийской воинской части. В темноте неясно. Сначала нас загнали в один барак, потом отправили в другой. От массы откучковался малый коллектив, и его потащили в другой модуль. Я пошёл с ними. Здесь я впервые увидел грозного Лесника. Маленький, коротко по-военному стриженный, мужичок громко отдавал команды, используя brutальные позы. То руки в боки, то удары кулак об кулак.

Мне это напомнило американский комедийный фильм про солдата, пришедшего в школу учителем. Тут тоже — невысокий, худой вояка с грозным лицом пытался нас всех напугать. Нам было на понты наплевать.

Вещи сбросили в кучу, выстроились, выслушали информацию и стали ждать приказа. Потом всех накормили холодными сосисками с макаронами и дали команду «отбой».

Хозяйство Лесника оказалось второй ротой или вторым отрядом, если по градации военной разведки. Меня пригласили в дальнюю казарму, дали койку, где я и заночевал. Утром осмотрелся и познакомился с соседом справа. Им оказался молодой парень с позывным Дум, командир второго взвода. Слева от меня, через койку санитаря, лежал задумчивый здоровяк. Представился Пуго и ничего не сказал, кто он. Но я проследил за ним, заметив, что он часто бегал в кабинет командира этого хозяйства Лесника. Я ему дал кликуху менеджер-консультант командира Лесника.

Утро в армии — дело весёлое. Началось оно в семь утра. На удивление, всё прошло гладко, и после зарядки, туалета и наблюдения за тяжелоатлетами в секторе гири и штанг, я с какой-то группой отправился в столовую. Там нас хорошо покормили, и не спеша, покуривая, все побрели в казарму. Никаких указаний сверху не было.

Указания пришли чуть позже, когда был дан сигнал к сбору прибывших. Заявился начальник штаба батальонной тактической группы (БТГ). Это был некий Колобок с адъютантами. С ним мне удалось перекинуться короткими репликами. Юрич наплёл мне про будущие победы, про серьёзную тему в военной иерархии, что он очень занят и что мне сейчас нужно будет оформляться. Говорил про какое-то пособие-компенсацию и деньги... Основным его посылом был факт того, что на днях прибывает комиссия из Москвы, и он всё должен устаканить.

На следующий день ближе к 10 часам все снова выстроились, приехала мандатная комиссия. Всех постарались разбить на отделения и собрали документы. Зачитали приказ, раздали анкеты, определили очереди на снятие портрета человека для личного дела. Заработал обычный армейский конвейер. Больше похоже на обычную процедуру устройства на работу. Но с особым привкусом.

Как обычно, в армии всегда чего-то не хватает. И не хватало главного — ручки для письма, без которой весь процесс сходит на нет. Кругом были очереди за этими долбаными авторучками. Народ суетился как в метро. Один человек писал анкету, заполняя данные документов, а в очереди за ним стояло ещё человек двадцать. В итоге были драки и ругань из-за потери письменных принадлежностей. Кто-то по простоте душевной дал кому-то на минутку, и ручка исчезла. Слово за слово, и потом в бубен! В общем, обычный бардак. Те, кто уже стоял в очереди на фото, вызывали непримиримую зависть тех, кто ещё скучал в анкетных шеренгах. Ну, а уж те, кто выходил из кабинетов фотографа и старшего мандатника, воспринимались народом на уровне святых посланников. Будущий военспец тут же окружался толпой, и из него выжимали разведданные о его нахождении в кабинетах. Мол, что там и как?

Менеджер Пуго, с которым я холодно поручкался утром, пробегая мимо меня, вдруг поинтересовался, есть ли у меня инструмент создания анкетных шедевров. Авторучка у меня была своя. Я чувствовал себя независимым.

Я присел за стол для пинг-понга и написал нужные буквы в печатных столбцах анкет. За мной тут же выстроилась очередь. Анкета была обычной, с графами про то, как ты провёл свои никчёмные годы этой жизни, раз оказался здесь. Это вопросов не вызывало. Разумеется, нужно было указывать родственников. Но вот с жёнами, которых в бумагах отнесли к ближайшей родне, у меня вышел казус. Дело в том, что я был несколько раз женат, а нужно было сдавать своих прошлых подруг вместе с телефонами, которых я не знал. Да и сдавать их я не собирался. Как-то я на такое не подписывался.

Мимо пробежал Пуго, и я решил у него спросить. Здоровяк, выхватив у меня анкету, быстро пробежал глазами.

— Майор...- произнёс он, вчитываясь в текст анкеты, — войсковая часть... Спецназ...

И тут он звонко рассмеялся, приговаривая:

— Работал охранником! Ну ты даёшь, братан! Давай, манатки свои собирай... И за мной!

Пуго взял меня под локоть и потащил в сторону толпы, которая по вокзальному гремела возле кабинетов. Мне ничего не оставалось как подчиниться.

Ловкость этого администратора была поразительной. Здоровяк подпрыгнул, как кенгуру, толпа расступилась, и мы оказались в кабинете Лесника.

За столом сидел тот самый самоуверенный мужчина небольшого роста. Рядом с ним стоял видный и подтянутый бородатый парень в армейской форме и офицерской портупее. Лицо показалось знакомым. Бородач вёл беседу с кандидатом. За вторым столом тоже кто-то сидел.

Пуго положил на стол мои выписки и анкеты и склонился над ухом командира.

Вскоре маленький человек поднял на меня глаза.

— Лесник. Полковник Ч... Константин Васильевич, — сказал он, — будем знакомы.

Я встретился взглядом с бородатым. Лицо его было дружелюбным. Он забрал мои документы и принялся внимательно читать.

— Это Багдад, — представил бородача Лесник, — мой заместитель... К нам пойдёшь?

Всё было так неожиданно, что я несколько опешил.

— В разведку...

Тут включился Пуго, который принялся восхвалять хозяйство Лесника. К нему присоединился Багдад, который, протянув мне руку, представился Романом.

— Я из 51-го полка, — произнёс он, видимо прочитав в анкете мои данные о 106-й ВДД, о 173-й роте разведки и работе инструктором в учебном Центре в Слободке.

Я, пожав его крепкую ладонь, почувствовал себя невестой на выданье.

— Тут привычная работа для тебя, — сказал Роман, — давай к нам. Нам нужны профессионалы.

Меня это предложение несколько смутило. Я настроился дожидаться окончания всей жеребьёвки, так как ещё ничего для себя не решил.

Вдруг вообще захочу от всего этого отказаться? Но тут что-то включилось внутри. Я поднял глаза и встретил коллективный взгляд.

— По-любому тебе нужно в штат встать, — проговорил Лесник, — чтобы деньги получать. Вставай к нам, а там потом решишь, если не зайдёт. На том и сошлись.

Батальон этот формировался из разных диверсионно-разведывательных групп, которые создавались ещё с лета. Весь коллектив был разным. В отряде Лесника также. От людей хороших, конструктивных — до мудаков. Саша Кипарис, Андрей Зева сразу были зачислены мной в позитив.

Все оказались в этой части не потому, что заслужили, а потому, что большое российское общество было так заточено. Военные «мужики» в ней долгое время были не нужны, а теперь их с охотой принимали обратно. Раньше, если не можешь устроиться «торговцем», иди к чёрту. А теперь дорога обратно на войну открыта.

Наш ППД (пункт постоянной дислокации) находился на территории 2-го армейского корпуса Луганского ОТК 4-го танкового батальона им. А. Невского. Так он тогда назывался. ... Сначала мы думали, что нас сюда забросили для устрашения ВСУ. Слишком уж всё открыто делалось. Думаю, что СБУ и контрразведка ВСУ знали о каждом нашем шаге. Нам всем присвоили статус типа «доброволец», но уже проворачивалась специальная схема — предполагалось, что всех зачислят в штат «Луганского военного корпуса», с выдачей военных билетов и всего такого. Кому-то даже начали выдавать необходимые бумаги, но вскоре всё отменили, а обещанные контракты так и не выдали. Но надо отметить, что зарплату выплачивали исправно. В долларах, как и обещали.

Руководящий орган от ВС РФ (по слухам, клан Шойгу в кооперации с офшорной аристократией) всем управлял через созданный управленческий актив. В него вошли несколько человек. Они выкроили порядок действий и план выполнения задач. Им выделили деньги и приказали подготовить три батальона к выполнению задач к февралю 2022-го. Такой гибридный подход был гораздо проще обычных контрактов. Всё просто. За хорошие «бабки» назначались региональные вербовщики с хитрыми телефонами от спецслужб, с «рекламой» через профессиональные соцсети, и дело пошло.

В общем, народ шёл. Разный, но шёл. Вояки любят термин «хозяйство». Так вот, «хозяйство Лесника» было наполнено задротами с самого начала. Опухоль «вагнеровщины», с которой боролись в самом «Вагнере»,

перешла сюда как вирус. И с этим надо было что-то делать, хотя Лесник всё пустил на самотёк. Когда-то он командовал батальоном морской пехоты. А ещё ведь здесь формировалась разведка, ведь отрядам предстояло работать в самостоятельном режиме. Практически эти три роты были отдельными отрядами армейского спецназа, по афганской градации.

Стать командиром в разведке непросто, мало быть назначенным сверху. Разведотряд — это стая волков, которая не приемлет ничего фальшивого. Лидер должен быть опытным и самым уважаемым волком. Иначе не получится. Иногда нужно кого-то загрызть до смерти. Но, с другой стороны, это не может быть сборище неуправляемых преступников, иначе это даже не банда уголовников, хуже.

Зная эти детали, я поставил Леснику условие, что когда создам коллектив, он не будет вмешиваться в наши дела. Обычно так и делается. И вот на этом мы и остановились. Именно тогда Пуго стал мобильным «мандатным комитетом» и «закупщиком душ» в одном лице. Он начал отбирать людей на первой базе в Луганске. Затем состав доставлялся в Лутугино, и там они уже общались с Кипарисом или со мной. В воинской части в Луганске я отбирал только снайперов и пулемётчиков. Так Гром и Боксёр оказались у нас. Лёха Пуго был силен в отборе, так как пугал этих людей. Народ не хотел идти в разведку, и, с одной стороны, это было хорошо. Лохи здесь были не нужны. Но были и моменты. Меня вызвал Колобок и взгрел за большой отсев. Чаще всего кандидаты были нормальные ребята, но они реально осторожничали, боялись Пуго. Пришлось менять подход на целевой. Так у нас оказывались белорусы, которых знал Кипарис, и которые не обращали внимания на страшилки. В общем, был разный контингент.

Однажды пришёл парень по имени Крест. Он был здоровый, крепкий, спортсмен. Сел напротив меня и сразу представился снайпером. Мы реально обалдели. Снайпер и всё тут. Такой без страха и упрёка чувак. Он сказал, что у него охеренный настрел и он может быть только таким спецом. После пары вопросов я понял, что он не тот, за кого себя выдаёт. Но ведь в разведке нужны ещё и большие парни, чтобы таскать боеприпасы и снаряжение. Опять же, пулемёт требует силы. Вернее, боекомплект для него. Но Крест хотел быть только снайпером. А людей не хватало, и командование торопило. Договорились, что определимся после полигона.

Наша штатная структура и вооружение были специфичны. Нам то выделяли бронетехнику, то нет. Бабы из Минобороны смуту вносили своими перестановками штатных структур очень сильно, и потому ходили слухи, что мы скорее готовимся к горным укрепрайонам. Техники нет,

а вооружение в горы можно и на ослах занести. Со стрелковым оружием особая сложность. В общем, наша непригодность для фронтового успеха была очевидна. Отсюда и слухи про горы и какие-то войнушки с партизанами. Кроме того, мы получили оснащение из Сирии типа «Пустыня». Это бронежилеты, каски, рюкзаки и разгрузочные жилеты. Ну куда ещё с такими штуками идти, как не в пустыню? Эти сомнения бродили в головах бойцов очень долго. Бог его знает, для чего нас готовят? Защищать ЛНР и ДНР — это одно, а продвигаться вперёд самим — это другое. Как сказал один из героев фильма про барона Мюнхгаузена, «война, господа, это вам не шутки, её нельзя объявлять когда вздумается...».

Наше прибытие под Краснодон в район села Таловое, 13-го Егорьевского территориального батальона, ознаменовалось лютой метелью. Температура в первую же ночь опустилась до -15°C , а ночью до -25°C . Сильно! Взводы разместили в холодных казармах. Лесника отозвали обратно в город. А мы, командиры взводов и служб, остались работать. Стали обеспечивать бытовые условия подразделений. Быт в боевых условиях — дело самостоятельное и важное. Никакого аутсорсинга в русской войне не бывает. Всё сам. Нам выделили бензопилу и шанцевый инструмент. Радист Виталик Сибирь владел этим инструментом. Это он делал хорошо, в отличие дел с радиостанциями. Я назначил его на дрова и отопление. До активной части полигона можно было добраться пятикилометровым маршем по заснеженным полям. Боеприпасы и оружие приходилось тащить самим. Условия были боевые. Но, тем не менее, к вечеру в казармах было тепло, люди были накормлены, вещи сушились. Две большие буржуйки в каждом бараке обогревали края комнат, а середина оставалась холодной. Проверив одеяла, подушки и постельное бельё на наличие вшей, люди стали делить места, ближе к середине. Люди в основном спали в одежде, чтобы не тратить много времени на сборы в туалет, который находился примерно в 150 метрах от нас. Туалет был общего назначения «точечного» типа. Хотя он был новой металлической модели, он уже был грязным. Умывальник тоже был рядом. Там же была и баня. Мылись мы повзводно.

Шла боевая подготовка. Сам марш по полям был изнуряющим испытанием. Здесь проверялись личные качества человека. На самих рубежах стреляли из всего ротного оружия и, конечно, бежали. Каждый раз по сотне метров до целей...

В целом, за пару дней можно было поставить оценку удовлетворительно, по всем вариантам. А если вспомнить, что высшей оценки в ар-

мии нет, то вообще хорошо. В общем, к февралю мне показалось, что я смог сделать свой коллектив боевым, насколько возможно. Конечно, учитывая все ошибки. От одних удалось избавиться, а другие, я посчитал, исправятся. Гладкого не бывает никогда.

Начались наши передвижения. В начале февраля появились видео из ДНР и ЛНР со взрывами машин и действиями неких «зондер-групп». Пропаганда выдавала их за отряды ВСУ. Но я знал, что это работают «команды Фрола». Вспомнилось тогдашнее предложение Фрола. Мы понимали — это были провокации российских спецслужб.

Мы с Кипарисом сидели у печки.

— Как думаешь, для чего всё это? — спросил он.

— Думаю, чтобы трахнуть хохлов и сказать, что они нарушают договорённости...

— А дальше?

Я усмехнулся. Кто ж знает, что будет дальше?

— На Западном фронте без перемен... — ответил я.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РУССКАЯ ГРЯЗЬ!

Одна из дорог на Ирпень проходила мимо Сосновки. Там был бой... Проехав какой-то мост, наша колонна остановилась. Я подбежал к операторам БПЛА и увидел обстановку сверху. Колонны напоминали ползущую гигантскую «сколопендру», а летающие по бокам вертолёт — «саранчу ада». Прямо как в Библии, в Апокалипсисе. И всё это было наяву. Когда я вернулся, то увидел, как бойцы нашего отряда собрались на обочине дороги. А по бокам стоял весь наш батальон. Этих ребят называют псами войны. Наши были одеты не так, как армия. Армейские цвета армии Шойгу всех раздражали, никто из серьёзных контрактников и наёмников это не носил. Полная чушь. Поэтому сегодняшние российские наёмники мало чем отличаются от натовских солдат. Все хотят иметь импортную одежду и бронезилет.

Раньше все солдаты стран воевали в национальной форме, а теперь можно купить всё импортное и лучшее. Я представил себе спартанцев, воюющих в одежде солдат царя Ксеркса, и улыбнулся. Как бы выглядели красноармейцы в форме вермахта с лозунгом «За Сталина»?!. Прогресс — великое дело. Теперь за пресловутый «русский мир» можно воевать в чём угодно. При этом многие понимают истинное положение дел. В каком состоянии наши силы и ресурсы...

Но находятся и идиоты. Их называют «застёгнутыми». Эти «застёгнутые» — особый вид человекоподобных существ. Вместо того, чтобы расстегнуть пуговицы, сдавившие не только их горло, они продолжают

кричать, что покажут всем и повторят. Это те, кто пишет на машинах «На Берлин» и «На Вашингтон!». Многие связывали улучшение качества жизни с осознанием себя любимой частью «кривого царства» Кремля. Но войну они представляли себе совсем иначе. Они были уверены, что хохлы разбегутся и в Киев они войдут героями. Они ещё не привыкли, что в них стреляют. Путин им такого не обещал. Раньше я любил смотреть на марширующие колонны. Это зрелище впечатляет и делает тебя наркоманом этих ощущений. Колонны, армады дают иллюзию мощи. Воинские колонны — это доблесть людей, защищающих свою землю и интересы народа. Это власть над всем. Все личные проблемы затмевают реалии. От такой торжественности ком в горле. Это гордость за страну, и ты её часть. Но сейчас у меня возникло какое-то кислое чувство, что нас снова обманули. Мы приехали на чужую землю, а теперь те ребята, которые маршируют колоннами по своей земле, — против нас. Они испытывают мои старые чувства, а не я... Те, кто против нас, служат народу и своей земле. Мне стоило усилий отогнать эти мысли. Пуго подошёл и пошутил:

— Узкий мир... грядёт. Так они нас называют вместо русских...

В этот момент по обочине дороги ехали бронемшины десантников. За ними ехали БМП мотострелков с Дальнего Востока. Патриотизм — дело хорошее, но техника была старая. Прямо перед нами сломалась разведывательная машина. У неё заклинило торсион, и следовавшая за ней БМП съехала в кусты, чтобы не ударить ей в корму.

— Охренеть! — рассмеялся Пуго.

В этот момент появился Сварной, командир 1-го отделения 1-го штурмового взвода нашего отряда.

— Всё хорошее растащили, а сюда отправили старьё, — сказал он.

Мы согласились с этим выводом. Что тут скажешь?

— Какого хрена мы освободители? Кого мы, блядь, освобождаем? Мы международные преступники, и надо это признать, — зло добавил Сварной. — Что мы тут делаем?

Я задумался. Реально от всего этого несло не очень хорошим.

— Не думай обо всей этой ерунде, брат, — прервал эти мои тяжёлые мысли Пуго, — нам плевать на морские знаки, у нас грудь в ракушках! Думай, как уберечься от неприятностей...

Вдали шли артиллерийские удары. Кажется, стреляли наши. Началось движение. Начали медленно. Но до нас не дошло. Мы всё ещё стояли. В это время на шоссе появилась импортная техника с хорошо экипированными людьми. Они выскочили вдоль лесопосадки. За ними

двигались три БМД-3. На пикапах развевались высококачественные полиэстеровые шелка с изображением красных штандартов легендарных стрелковых дивизий и полков времён Великой Отечественной войны. И так на нескольких пикапах и БМП. На их кормах были шесты с такими же высококачественными чёрно-жёлто-белыми знамёнами Российской империи.

Там, на полиэстере, виднелись надписи «За Отечество!» Мне даже стало стыдно. Мы тут критикуем власть, а посмотрите на этих людей, какие патриоты! Они раскошелились на флаги! Вот это чуваки!

Я присмотрелся. На полотнах были китайские иероглифы. Они указывали на производителя из провинции Гуанчжоу. Сварной тоже это заметил.

— Клоуны ебучие. Флаги Красной Армии и Белой Гвардии... в одном флаконе.

— Я тоже не понимаю, о каком Отечестве вы говорите, интересно? — спросил Пуго.

— Наверное, об Империи, — ответил я ему, — в доме Облонских все перемешалось...

— Лев Николаевич тут не поможет, — парировал прапорщик Сварной. Он оказался начитанным парнем и знал произведения Льва Толстого.

— Непонятно, за что мы воюем.

Тогда я сказал, что мы воюем за свою грязь, чтобы никто её у нас не отнял. После всех войн у русского человека остаётся только бредовая память, много грязи и ничего больше. И неважно, выиграем мы или проиграем. Это такая фишка — соль нашей земли. Да здравствует русская грязь!

Ребята молчали.

Сварной был интересным парнем. Он вызывал смешанные чувства при первой встрече. Сначала он показался мне занудой, и только потом понимаешь, что это огромный плюс. Парень всё делал хорошо. Если нужно было выстрелить из АГС в определённую точку, он делал это с точностью до метра. Если нужно было занять позицию, которую ты ему указал, он был там. Он не подводил.

Наш «Урал» пытался протиснуться по обочине за кустами лесопосадки, которая разрослась не на шутку. Чуть дальше стоял разбитый танк. Мешал. А грузовик пытался проехать мимо нас на обочину шоссе, напрасно ревя мотором. Загазованность была такой, что кружилась голова.

Пробка так и не думала рассасываться. Противник взорвал один пролёт моста, и это всё внесло в «продуманный» план Герасимова и Шойгу конкретный долбаный стопор. Ситуация грозила стать трагедией. Я удивился, что украинская артиллерия ни разу не попала в скопление наших войск. Куда-то стреляли, но не по нам. Если бы хоть один снаряд прилетел — хана. Такое ощущение — командовал какой-то наш «V-атник». И специально бил не туда. Подкупили наши, видимо!

Об угрозе артналёта мы доложили Юричу. Да и в штабе знали. Попасть в крупные неприятности можно было запросто. Мы «снесли» голову Леснику этими мыслями, и он убежал из авангарда в обоз. Сварной решил вспомнить историю древних греков. Он привёл в пример Элизиум и богиню Гею.

— Что? — переспросил Пуго, которого нервировало слово «гея».

— Уран и Гея, — пояснил Сварной. — История войны с Олимпом. Это не про пидорасов.

— Греки все пидорасы.., — парировал Пуго.

Я внимательно посмотрел на Сварного. Твою мать — у нас, оказывается, есть эрудит! Не ожидал встретить здесь такого человека.

— И что там было? — снова спросил Пуго.

Сварной объяснил, что чувака того звали Уран. Он отправился в поход против богов Олимпа. Они действовали ему на нервы, и он решил с ними разобраться. Раз и навсегда. В общем, восстание-революция того времени. Ну а руководила всем женщина. Звали её Гея, и она-то и спровоцировала революцию из-за того, что хотела власти сама. Она подвела этого парня к такому решению, используя свои женские чары. Правильно — дав ему пару раз в лесочке. Знакомое дело. Баба ноги раздвинула, и голова уже ничего не сообщает.

Пуго, посмеявшись, назвал её проституткой, а имя пидорастическим. Мы рассмеялись все вместе.

Сварной уточнил, что дама была полубогиня, трахалась с самим Зевсом, ну и ещё там с парой божков. Потому непростая. И за это она имела колесницу Богов, которую прозвали «Первая колесница». Это как сейчас любой уважающий себя олигарх покупает своей любовнице хорошую машинку. Типа «крутая тачка», если девка крутая!

Понятное дело, дама умела повлиять на чуваков и простого покроя. Она знала путь на Олимп и предложила его своему земному любовничку, дабы не остаться не при делах. Земные, они попроще будут. Их развести легче. Власть из её рук уходила, и с Богами у неё уже не ладилось. Ну, а парень тоже решил не упустить шанса и попасть в историю. А точнее, ему был предложен хитрый план от самой Геи. Нужно было ударить

в зад позиций обороны Богов. Видать, любовница любила такие позиции. Говоря военным языком, нужно было обойти врага с тыла и выиграть сражение. В лоб атаковать форпост Олимпийцев себе дороже. А тогда это было запаadlo. Воевали все в лобовом сражении. А как победить Зевса, который бросал гром и молнии? Зажариться можно ещё на подходе. Поэтому было актуально задействовать «Первую колесницу» с тыла.

— Интересное прочтение, — выразил своё мнение я.

— Так же, как мы... Не дай бог, — подытожил Пуго, почёсывая бороду.

Что он имел в виду и что представил после этого рассказа, знает только его шаман.

Рассказ лично мне понравился. С юмором и жизненный. Никакого пафоса тебе, все чётко — хитрая шлюшка и устремлённый к успеху молодец.

И вновь я вспомнил роскошных дам из военного ведомства министра Шойгу. У меня накопело с ещё полученного штатного расписания на наше подразделение, а тут такое сравнение. Эти крутые красотки в мундирах изрядно попили кровушки нашему командирскому составу, когда утверждали должностные инструкции и штатный состав рот и батальонов. Мы прозвали это всё министерством «Блестящих шлюх».

— «Шлюхи... — тихо сказал я, — им не важен результат. Они даже понятия не имеют...

Я помахал рукой, указывая на сумасшедшие движения колонн, которые проходили у нас перед глазами. Как нам теперь выбраться отсюда? Обычно противник наносит по таким скоплениям сил и средств главный удар. Выходит, остаётся «Первая колесница» Сварного. Хорошая идея.

Мимо пробежал солдат. Я спросил его о причине новой остановки. Он сказал, что самоходка «Акация» была подбита и перегородила дорогу. На самом деле она просто сломалась. Наступала «русская армада». Вот что это такое. Всё на соплях.

«Русская армада» похожа на пиратскую команду Бармалея из детского фильма. Она всегда ходит кругами, изъясняется только матом и криками, всегда надеясь на авось. Иногда получается идти вперёд не потому, что есть план, а вопреки ему!

— Московские бояре, видимо, планировали двигаться быстрее... — сказал подошедший «замковый» второго взвода Вик.

Кто-то выдал рикошетом: мол, Медведчук составлял план...

— Это кто? — не врубился Вик.

— Кажется, Путина крёстный...или родственник.

— Ничего себе!

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Многие пытались вырваться из пробки, но только усугубляли ситуацию. Обочины по бокам проезжей части все заняты, а кюветы вдоль лесопосадок, где можно пролезть на колёсной технике, узковаты. Проехать через кочки и колдобины могли только БМП. За десять минут вся земля от траков превратилась в месиво с ямами и холмами, по которым даже ходить трудно. Кто-то выскочил справа, кто-то слева, а кто-то через поле по пашне.

Напоминало летние пробки Краснодарского края на подъезде к Керченскому мосту. Всё движение — упереться в кузов другой машины и встать. Движение боковое запретили. Несколько грузовиков Министерства обороны подорвались на минах, катясь по полю. Вот такая хрень.

Я оглядел просёлок за дорожной посадкой в бинокль. Там было несколько воронок, а дальше колея от гусениц шла свободно. Значит, мин там не было. Ну не на сто процентов такая уверенность, но всё же. Чтобы туда попасть, нужно было съехать в кювет на разрыве. Один мы проехали, а до другого не дошли. Вот если бы на гусеничной технике?!..

И вот чудо случилось. Раньше нас догадались какие-то разведчики, которых я прозвал «бородачами». Колоритные ребята. Бороды у них были, словно только что вышли из барбершопа. На своей БМП-1 они первыми легко съехали вниз, в кювет, и поперли прямо на кусты. Разумеется, с брони все попрыгали до этого. Это же принялись делать и десантники, а следом и мотострелки.

Один небольшой танк (БМП-2) на резких оборотах поднял синий дым несгоревшего дизельного топлива и проехал мимо нас. На броне сидели люди монгольской внешности. Следующая бронемашина с птичками на борту, десантников значит, тоже была осёдлана узкоглазыми всадниками.

— Вот это да, — изумился один из наших наёмников. — Золотая Орда наступает!

Мы расхохотались. Это было поистине историческое дежавю — только теперь кони у Орды были железные.

— Откуда, ребята?! — выпалил наш боец, когда «монгольская» БМП, как лягушка, проскочила рядом с ними.

Буряты с грязными, ничего не выражающими лицами, молчали. И только один из них, подав какие-то признаки жизни, через некоторое время ожил, жестом попросив сигарету. Но ему ответили, что у самих шаром покати.

У бурятского лица есть свои национальные особенности в раскрытии эмоционального смысла. Оно ничего не выражает и продолжает смотреть глазами абсолютно сквозь тебя. Как будто нет ни вопроса, ни ответа. Никакого смысла... Ничтожное существование простого буряты или тувинца на его малой родине сделало этих людей именно такими. Им наплевать на всё. Вся их жизнь — в резервации Русского царства (Забайкалье).

Это бессмысленное лицо стало для меня символом и смысловой частью «нашествия» на Украину. Я запомнил всех этих военных бурят. И другие ребята тоже их запомнили. По крайней мере те, кто видел всё это в тот день...

Потом я вновь увижу эти лица. Только они будут мёртвыми...

ГЕРОЙ-ЛЮБОВНИК И МАНДАТ

Меня окружали колоритные личности. Например, легендарный герой-любовник, так называемый морпех с распространённым позывным Шаман. Этот толстяк с пузиком был большим любителем дам разного возраста. Женщины не оставались без его внимания, если имели неосторожность забрести в его сектор обзора. Шаман также любил поговорить и об оружии. Это когда у него не ладилось с дамами или их не было вовсе. Помимо покорения барменш и официанток, он представлялся знатоком боевой литературы и военного снаряжения.

Заместитель командира (ЗК) первого штурмового взвода Вик тоже пришёл посмотреть на мигрирующих бурят. И как раз в тот момент, когда мимо пронеслась старая «моталыга» с системой РЭБ «Мандат». Вик, в миру Виктор Ш..., был «пиджаком». Так называют пришедшего на службу с гражданской специальности. У него были белые волосы и свежее лицо. Он слыл человеком амбициозным и хитрым. Но при этом отзывчивым и гибким в подчинении. С женщинами у него было преимущество перед Шаманом. Он был красив, да и прагматик. Короткий позывной — его логический алгоритм. Чего сходить с ума? Бац и всё! А ещё он был перфекционистом и карьеристом.

«Мандат» — своеобразный «ретростиль» отечественной военной техники. Умные мужики считали её эпохой мамонтов. И действительно, мы ими владели в начале 90-х. Эту систему, согласно рекламе военной программы Минобороны России, заменили новейшими системами блокировки и помех.

Оказалось, обман. Пыль! Комплекс тихо переместился сюда из «мезозоя» военной техники РЭБ и очень наглядно показал весь «реформаторско-шойгуанский» потенциал. Телевидение визжало о рефор-

мах в области оборонной техники, пуская пыль в глаза. Старая ржавая техника — главный образ боеготовности российской армии. Полковник Квачков придумал термин — россеанская армия, ибо российской назвать армию язык не поворачивался. Тут я с ним согласен. И из-за этого между шаманом и Виком разразился спор. Шаман кричал, что это старьё, а Вик парировал неопровержимыми фактами надёжности на войне. Скорее всего, чтобы позлить оппонента.

Вику нужен был только повод придрататься к старому толстопузому бабнику, чья настойчивость испортила ему свидание с «Белоснежкой» под Брянском.

Шаман доказывал, что эти системы есть и на Украине. Сколько им лет? Экспонаты музея.

— Ты, чёртов Шаман, мастер на все руки. Да и не только на руки!

Все смеялись, потому что Вик сделал намёк на его хозяйство в штабах. Вик решил закрепить успех и отомстить за «Белоснежку» — кухарку из столовой. Этот Дон Жуан его раздражал.

— Где ты воевал, друг мой? — спросил он.

Шаман ответил, что служил в Чечне и на Донбассе. На этом Вик его подловил, заметив, что служат псы. Практически он назвал Шамана псом. Так это читалось. По себя Вик оповестил геройскую информацию. Он воевал в гораздо больших пространствах. В конце он ещё пригрозил, что надерёт толстую задницу. Правоты Вика я тут не вижу, но такой спор состоялся. Видимо, это нервы и выплеск энергии перед неизвестностью.

Пошло движение. Приказали пропускать технику дальневосточников. Вояки из Хабаровского края, из 64-й бригады, получили приказ переть любой ценой вперёд по краям дороги. Там ждала их войнушка.

Саша Дум пояснил, что он общался с командиром этой танковой роты, и тот сказал, что половина техники на ладан дышит. Рухлядь. Из трёх танков лишь у одного стреляет пушка, у второго работают оба торсиона, и у третьего есть активная защита и ночной прицел. И у них уже сгорели два экипажа.

И тут кто-то вспомнил о раскрученных танках «Армата». Их никто не видел и о них не слышал, но тут они были к месту. Вернее, упоминание о них. Было много шуток по такому поводу. Пуго сказал, что эти танки теперь используются в космосе на орбите. Путин решил нанести удар по злым американцам из космоса с помощью господина Рогозина на танке «Армата». Это наше секретное оружие.

Танкисты придали живости, и мы немного сдвинулись. По бокам дороги в этом месте были уже зелёные кусты можжевельника. И в них сидела пехота, укрываясь от возможного обстрела. На всякий случай. Оттуда доносился смех. Я подумал: в этом вся глубинная сила нашей огромной и бесхозной страны и её армии. В этом заключается вечный смысл исторического русского «авось», со скрытой сутью мыслей обречённого раба. Раб ждёт милостыни от князя. Русский человек не может решиться всё изменить. Он не может просто задуматься. Такова рабская душа. Душа труса, не способного ни на что. Не может взять всё в свои руки и жить как человек. Ещё я тогда думал, что страшный русский бунт — результат вот такого бессилия. И вот почему эти войны. Зло копится, и потом князя говорят «фас» холопам. Они показывают, кто виноват и куда бежать. Теперь виноваты украинцы. А скоро, наверное, будут виноваты европейцы. Не сойти с ума помогает смех. И не «Арматы», «Искандеры» и мультяшные «Посейдоны», сделанные по заказу «Петербургского клуба», — священная сила русского солдата. Наша сила — смех. А сила России — в её глупости.

Никто раньше не предполагал, что всё так плохо. А оказалось ещё хуже.

Прошла очередная БМП. И прецедент. Бронемашина не врезалась в заднюю часть другого танка, не зависла на обочине, а съехав с дороги, тут же проскочила через кусты, едва не подавив курящую пехоту. Машина быстро пробиралась по грязи, ломая деревья, и ушла потом по кромке поля. Никаких тебе растяжек и мин. Интересный путь сбежать из этого Вавилона.

Действительно, на военных маршах многое зависит от водителей. Например, сегодня одна машина уже упала с моста. Погибло пять солдат. Надёжный водитель значит очень много. Война — она такая. Простая и сложная... Переполненная нечеловеческими трудностями, трудом и минимальным бытом. Здесь нет кинематографического героического смысла.

МЫ В АВАНГАРДЕ

Проконтролировать весь лес с воздуха было сложно. Батальону предстояло совершить быстрый марш до Гостомеля. Моя передовая группа обеспечивала движение. Фактически мы вызывали огонь на себя. Главное — вести батальон. В такой ситуации хорошая связь имеет огромное значение. Я взял с собой начальника связи. Типа это круто.

Дорога была пустынной. Справа и слева тот же мрачный лес.

Когда воздушный десант отметился, нам выдали красный Mitsubishi L-200. Всё, что осталось в резерве штаба. Мы прозвали его пожарной машиной. В натуре это было издевательство над разведкой. Более гламурно можно было рассекать пространство на жёлтом Ламборгини. Никто бы и подумал, что мы вояки.

Мы превратили это недоразумение в машину цвета грязи, и это стало похоже на что-то военное и незаметное. Такой камуфляж из баллончиков краски. С настоящей грязью из черномыльских болот делать было опасно. Помимо цвета, в машине было много всего, что не соответствовало плановой работе. Всегда горели фары, не открывались окна. В общем, смешнее машины для разведподразделения не придумаешь. Пришлось дорабатывать, как это умеем. Все сломать к чёрту.

Отсек кузова был забит боеприпасами и вещами. Там сидел пулемётчик Кича с ПКМ. Это то, что требуется на такой тачанке. Хотя, конечно, калибр 12,7 лучше. Но наш штаб забрал наш крупнокалиберный пулемёт. Поэтому мы выбросили и турель от него в лес. Эта бесполезная штука в разобранном виде занимала много места в кузове военного грузовика. Наш водитель Матрос сделал это во время очередной перегрузки вещей и оружия.

В салоне нашей «пожарной машины» не удалось ничего эффективно разместить — места не хватило. Если бы я сам мог выскочить, схватив автомат, было бы хорошо. Внутри машины нам троим было тесно. Все были в бронежилетах, касках и по две пачки патронов в каждой сумке.

С водителем Колей Прокопьевым мы знакомы давно. Он пытался сменить свой старый позывной Политрук на Грэй. Так звали его собаку, которую ему не разрешили взять с собой. Она была бесполезна в плане боевой работы, а риск её гибели был высок. Коля переживал по этому поводу, но это было нормальное решение. Позже он обвинял в этом меня, но это тоже показатель личности — всегда нужно всё на кого-то свалить. Политрук хотел стать Грэм, но передумал. Он вдруг узнал, что есть порноактриса по имени Саша Грэй, и расстроился. Он не хотел розыгрыша с ассоциацией и троллингом. Коле пришлось остаться Политруком.

О ВИТАЛИКЕ С ПОЗЫВНЫМ «СИБИРЬ»

Этот чувачок отвечал за нашу связь с управлением батальона. В его послужном списке была война в Чечне, и я рассчитывал на его опыт. Он должен был уже понимать всё о засадах и о том, что мы смертни-

ки. Шансов выжить у такого дозора обычно мало. Угодить в подготовленную засаду очень просто на марше. Единственный способ — удачно выпрыгнуть из этой машины. Но Виталик Сибирь оказался дураком и мерзким типом.

Мы подготовились к выезду. Я начал максимально оптимизировать процесс размещения необходимого груза в машине. Конечно, рюкзак с дополнительными боеприпасами, медикаментами и ножом-мачете для быстрой вырубki деревьев поместился только на заднем сиденье.

В целом действия членов такой передовой группы в любой ситуации расписаны по регламенту. Если происходит какое-либо нападение на машину, или необходимы превентивные действия, у каждого члена экипажа каждый ход расписан как по часам. У водителя свой алгоритм действий. Командир принимает решение о контроле боя в первые секунды — ему важно выжить. У того, кто сзади, своя задача. Вырвались вперёд — с этим всё понятно. Если убиты — тоже всё понятно. Если вступили в бой, действует регламент. Тебе нужно быстро покинуть машину. Важно взять с собой боеприпасы, ведь предстоит бой. Быстрый ответ сильным огнём уже не раз спасал нам жизнь. Затем под прикрытием группы обороны выходить из-под плотного огня противника. Другого выбора нет!

Это сложная задача, но всё же выполняемая. Важно, чтобы каждый знал своё дело. Водитель ставит машину в оборону, а мы стреляем. Тот, кто сзади, вытаскивает рюкзаки. И все съебывают, прикрывая друг друга огнём. Это, конечно, в теории звучит легко, но на практике тоже работает, если не пригвоздили совсем сразу. И тут нет причин обижаться. При этом понятно, что у этой группы должны быть и лекарства, и вода, и патроны, и гранаты, а может быть, даже гранатомёты. Всё это на позиции связиста есть, и у него больше шансов что-то прихватить.

Но Сибирь был дураком. Я этого не знал.

Я много времени потратил на инструктаж.

— Я начну бить по стеклу через тебя... в этот момент. Будь готов к этому, — сказал я Политруку.

У чувака с ником Сибирь была другая задача. Ему нужно было просто выйти из машины и вынести рюкзак с боеприпасами и медикаментами. Но Сибирь закричал, что он не холуй и не прислуга, и не будет этого делать. Идиот! Мне пришлось бить его чуть ниже пояса. Виталик Сибирь обиделся. Уже потом я узнал, что этот персонаж побежал жаловаться начальству. Но там его обломали и послали обратно к командиру, то есть, ко мне.

Уже было сказано, что первым идти сложно и опасно. Это риск. Нам пришлось ехать в передовой группе из трёх машин. Первыми.

Мы ехали молча. За нами шёл пикап из 1-го штурмового взвода. У них был крупнокалиберный пулемёт калибра 12,7. Я вгляделся в пред-рассветный лес. Виталик пыхтел на заднем сиденье, что-то там изображая. Вдруг я услышал, как он храпит. Я оглянулся. Виталик надвинул каску на глаза и спал.

Я ударил его по каске.

— Не спи! И держи рюкзак под рукой.

Сибирь ещё сильнее запыхтел и взял рюкзак под левую руку. У моста, а точнее, плотины, показалась развилка оврага.

— Куда дальше? — спросил Политрук

Я показал, что едем прямо. Дорога там исчезала в нависших над ней деревьях.

Вдруг из леса послышался рёв моторов, и показались танки. Танки двигались по лесной дороге в нашу сторону.

— Сука!!! — заорал сзади связист Сибирь и начал выламывать дверь, чтобы вылезти из машины. У него это плохо получилось. Дверь была заперта на детский предохранитель. Мы просили его не закрывать дверь до конца, но Сибирь нас не послушал. Он очень боялся выпасть. Оказалось, что танки были наши.

Действительно, на фальшбортах красовались знаки V и слова «На Киев». Сибирь поёрзал на заднем сиденье и подсдулся. Ему стало немного не по себе.

Коля остановился и исправил ситуацию с дверью нашего говённого радиста, заодно проветрил салон. Теперь Виталик убедился на собственном опыте, что же это такое — попасть в засаду. Даже если и в своих же. Где он там воевал до этого, трудно было сказать.

В это время нас догнал командир второго штурмового взвода Дум. Они ехали сзади и нарушали инструкцию. Он сказал, что мы проморгали поворот, нам нужно было повернуть направо. Там нас ждёт группа спецназа. И ещё спросил, почему мы не отвечаем по рации? Оказалось, меня вызывают из батальона, а у меня тишина. Опля-я-я!

Я внимательно посмотрел на нашего связиста. Кого я взял с собой, на чёрта он нужен? Как он здесь оказался? Такие мысли были у меня в голове. Я, не скрою, хотел его пристрелить. И рука бы не дрогнула, и не сожалел бы я об этом никогда. Но я приказал себе успокоиться.

— Почему у нас не работает связь? — спросил я.

— Рация бесполезная... Та, что мне дали! Она не работает! — выпалил он.

Я содрогнулся от бессильной злобы. Бить этого урода уже бесполезно. Заменить его некем. Что делать с этим придурком?

— Аккумулятор сдох! Второй заряжается.., — продолжил Виталик.

Я нашёл в себе силы спокойно отреагировать и объяснить про ремонт рации, причём быстрый, как только достигнем какой-то стоянки. Он обещал все исправить.

Нам повезло, что ВСУ уже отступили с этого участка. Мы догнали основную группу примерно через пятьсот метров после подъёма на дороге.

«МЫ УЖЕ ДЕТЕЙ УБИВАЕМ?»

Почти сразу после моста через Припять мы снова застряли. А именно. Застряли передовые части. Впереди шли постоянные бои. Прорваться не удалось. Пришлось «дымить» в оперативном тылу. Так это называется. Сленговое «дымить» — значит коптить небо. Второй эшелон.

Никто ничего не знал и не понимал. Осознание приходит в тот момент, когда появляются первые трупы. Так всегда на войне. Чёрт его знает, сколько это всё продлится. Никто не понимал. Но три дня — это не вопрос. Это точно. Над нами летали самолёты, стреляла артиллерия. БПЛА. А мы оборонялись. Поэтому некоторые окопались. По крайней мере, был какой-то шанс выжить. Я был фаталистом и спал в машине.

Нам всё равно пришлось расставлять посты. В хаосе теряется управление. Противник легко заходит в тыл — и пишете письма...

Слева раздалась ночная стрельба. Все привыкли к этому, стрелять ночью хорошо. Но здесь стрельба была слишком тревожной. Бывают такие моменты опасности. Тем более на нашем фланге. Все вроде бы к ним привыкли, и они обыденны, но что-то вас заставляет вдруг подскочить. В этом есть приколы опыта, которые, видимо, и тренируют подсознание. Если нервная система не реагирует, спи. А уж коль тут тревога, и тебя вштырило — вперёд! В этом есть что-то иррационально необъяснимое.

Я пнул Колю. Он спал в спальном мешке под кустом можжевельника. «Стреляют во фланг!» — крикнул я. Он услышал. Мы бросились на шум. Вместе с нами ушли ещё несколько бойцов из пулемётного расчёта.

Возле разрушенного дома, от которого осталась только одна стена с трубой от печи, стояли три контрактника из сводной группы ВДВ. Возле самой стены лежало тело украинского подростка.

— Что случилось? — спросил я.

Это была наша линия обороны. Разведчики уходили и приходили по этой тропе с наших боковых дозоров. Не выставляй я их, нас бы подрезали тероборонщики. Местные жители, вступившие в отряды ТРО, были наиболее лютые и результативные. Опыта маловато, но они приобретали его довольно быстро, а вот основным преимуществом их было хорошее знание местности. А нам-то объясняли, что нас будут встречать с цветами! Я в своей жизни уже имел опыт общения с подобными любителями цветов. В Афганистане нашу заставу, пункт на дороге, вырезали добродушные дехкане шомполами от автоматов, которые тоже встречали нашу бригаду в Гардезе с улыбками, лепёшками и букетом олеандра.

Один из солдат объяснил нам, что часовой выстрелил в нарушителя. Часовой этот стоял в стороне. Это был высокий, крепкий парень с веснушчатым лицом. Лицо у него было бледное. Он был подавлен. «Рыжий», — подумал я про себя, уже понимая всю ситуацию. С ними постоянно случается дерьмо.

Я посмотрел на бойца. Солдатская каска и бронежилет сидели на нём, как на корове седло. Он напоминал орка из «Властелина колец» Питера Джексона. Его волнение было понятным, ведь он впервые убил человека. Подросток залез в дыру в стене и хотел бежать обратно по дороге. И тут его застрелил десантник. Что тут сказать? Война — ужасная штука...

Я внимательно осмотрел руины дома и завалы в свете тусклого «сирийского фонаря». Использовать мощные фонари было опасно и запрещено.

Мертвец лежал лицом вниз, возле кирпичей. Выходное отверстие от пули 5,45 калибра было видно в боку. Раны оказались смертельными. Бедняга умер сразу. Перелом позвоночника. Бац и всё.

У подростка не было оружия. Конечно, в темноте это было невозможно определить, А вдруг диверсант?

Подошёл сержант ВДВ. Этот парень выглядел как бывалый ветеран. Он чётко объяснил время события и детали. На вопрос, кто отдал приказ выставить здесь пост, он сослался на своего командира.

Слева послышался топот, сопровождаемый скрежетом раздавливаемых кирпичей и ругательствами. Кто-то пробирался к нам через развалины дома. Оказалось, это и был их командир.

Повернув голову, я увидел молодого лейтенанта. Он хотел казаться храбрым и выдавшим виды. Я сразу определил его как «пиджака» вре-

мён «сердюковщины». Это те, кто заключал контракты, будучи на гражданке. Я таких много видел. Это ребята, которые сначала пытаются выглядеть крутыми, а потом ломаются. Они менее устойчивы к давлению. Летеха, подозрительно посмотрев на меня и моих бородачей, стоявших за мной, как угрюмые былинные богатыри, довольно уверенно пошёл вперёд. Это меня немного насторожило.

— Извините, а вы кто? — спросил он так лихо, что я даже засомневался в своих выводах.

И, не дожидаясь моего ответа, выстрелил в воздух.

Солдаты загрели оружием. Мои бойцы защёлкали предохранителями и заорали на солдат, чтобы не дурили.

Вот как! Это просто п...дец какой-то. У нас тут тропа для защиты фланга батальона, а эти ребята поставили пост и убивают всех. Вот дерьмо! Ещё перестрелки не хватало...

Я решил прижать чувака.

— Кто я? — переспросил я, — я подполковник С... позывной Гром. Группа специального назначения главного управления... Пойдёт так?!

Я решил паузу большую не делать.

— А если бы этот ваш рыжий напал на моих ребят? Что бы тогда было? Лейтенант уставился на меня.

— Что вы имеете в виду? — переспросил он, уже растерянно.

Как я и предположил, надолго его прыти не хватило.

— Что имею, то и введу! — скаламбурил я, — тут мои разведчики. Кто координировал пост? Фамилия?

— Гвардии лейтенант Ку...

Лейтенант Ку... замельтешил. И я тут же напомнил ему про военную прокуратуру и то, что я знаю, кто ими командует в их сводной группе. Как он мог пропасть под лучами утреннего солнца здесь же, завтра. Тут на мои слова из темноты вышел наш фланговый дозор. Они уже всех взяли на мушку, и тоже были готовы стрелять. Они вписались во всю эту историю как нельзя лучше. Лейтенант-десантник совсем растерялся при виде их, и поэтому мы успели отобрать у него то, что у нас было в дефиците.

Мы взяли гранаты и магазины для АК-74М. А также мину МОН-50, которую они нам на проход поставили. Я, не колеблясь, сделаю это ещё много раз с кем угодно, и даже со своими — это основа выживания твоей команды. Добивайся, чтобы с тобой считались на местах, и если тебе что-то недодали, добудь. Случай всегда подвернётся. Если же ты не воспользуешься случаем, то погибнут твои люди. Вот принцип сохранения личного состава на войне, которому нас учили в советской армии. Мно-

гие хаот её, и заслуженно, но у меня был неплохой опыт в этом отношении. В нынешней армии это всё утеряно.

Я не мог отпустить эту ситуацию с высоким чином. «Командирская яркость» в армии достигается давлением со стороны этого самого высокого чина. И никакой жалости. Только самое неконтролируемое давление. Такова законсервированная прусская система, да и вообще.

Я уже с жалостью посмотрел на грустного лейтенанта. Умное, волевое, привлекательное лицо любимца девушек. Дома, наверное, сидит молодая, сексапильная и глупая жена с айфоном. Ждёт мужа из командировки. Наверное, мечтает поехать на Мальдивы. А может, и не ждёт... Прямо сейчас её может трахать его друг из воинской части. Так часто бывает в военных городках. А лейтенант Ку... кровь за родину проливает, пока, правда, не свою!

Взял я этого командирчика ВДВ за локоть и отвёл в сторону.

— Теперь скажите сержанту, чтобы он довёл всё до конца, — сказал я, — всё должно быть как на войне. Вы понимаете, о чём я?

Лейтенант свистнул сержанту. Мы ушли. Дело уже было сделано. Война — циничное дело. Что поделаешь? У нас было несколько молодых, живых идиотов и один мёртвый местный подросток. Зачем он ночью полез на руины?

Вскоре за нами взорвалась граната. Послышались крики.

— Вы его видели, он бросился в пролом... и это... и выдернул чеку из гранаты, понял?! — до нас дошёл приказ хитрого сержанта

— Кто её выдернул? — тупил Рыжий.

— Не ты, придурок. Он, конечно! И ты применил оружие... Самооборона, баран!

Вернувшись в наш лагерь-парк, на наши позиции, я залез в джип. На душе кошки скребли. Я не мог этого объяснить.

— Бля, мы уже детей убиваем? — скорее всего, себе под нос сказал Коля Политрук. Но вылетело вслух.

Он подошёл к машине.

— Что думаешь? — спросил он.

Я тут же вышел из своих мыслей.

— А я не думаю... Я просто размышляю... Поздно думать... А ты как думаешь? — парировал я.

С Колей всё сложно. Он обидчивый. Но всё равно я спросил, давно хотел:

— На днях командир Лесник сказал, что ты плачешь. Наши бомбили твой Николаев, а ты ныл, как барышня.

Коля нервно достал сигарету.

— Какая-то тоска охватывает внутри... А как вспомню начало всего этого, и вообще... Там мать и сёстры...

...Стоял жуткий смог. Боевые машины набирали скорость. Летели куски грязи. Дворники не могли очистить лобовое стекло. Кое-где на поле валялись убитые украинские солдаты. Один труп лежал в луже прямо на трассе. Прямо по нему проехал танк. Получилась тёмная «труповая» лужа. Помимо людей, лежали раздавленные животные... Вроде собаки.

Танки грязи не боятся...

Мы ехали освобождать Украину от долбанных укропов...

Именно так тогда и появился этот «русский» марш...

Гари ЛАЙТ
О ЛЮДЕ, ВИТЕ И ВРЕМЕНИ...
С ЛЮБОВЬЮ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, В НЕДАВНИХ РЕМИНИСЦЕНЦИЯХ

Ни один сейф не хранит сокровища так надёжно, как место, — где мы любили, плакали и радовались...

...Я считаю, что судьба щедро наградила меня друзьями, и ценю это гораздо больше, чем любые материальные ценности и блага.

Людмила Штерн, «Жизнь наградила меня» (переиздание книги скоро выходит в издательстве «Freedom Letters»)

Из жизненных сумерек выделяются какие-то тривиальные факторы. Всю жизнь я дул в подзорную трубу и удивлялся, что нету музыки. А потом внимательно глядел в тромбон и удивлялся, что ни хрена не видно. Мы осушали реки и сдвигали горы, а теперь ясно, что горы надо вернуть обратно, и реки — тоже.

Из ленинградского письма Сергея Довлатова Людмиле Штерн в Нью-Йорк, апрель, 1976.
www.sergeidovlatov.com/books/shtern.html

– Ося, ты как-то сказал, что рай — это тупик, из которого некуда стремиться. Ты и сейчас так думаешь?..

Ответ Людмилы Штерн на нелепый вопрос журналиста, что бы она сказала Иосифу Бродскому, если бы ему можно было «сейчас позвонить», 28 января, 2011

<https://rg.ru/2011/01/28/joseph.html>

Если на автомобиле или пешком по прибрежной улице Collins, даже несмотря на отсутствие у одного из пафосных южно-флоридских муниципалитетов пешеходного тротуара... то к Люде с Витей — направо. А если вдоль кромки океана или вдруг путём каботажной навигации, то к Вите с Людой — обязательно налево. Для меня, во всяком случае. Так вышло, что этих встреч в последние лет семь моих нередких пребываний в пригородах Майами я очень ждал. Они всегда бывали чудесно-непредсказуемы и в гастрономическо-эпикурейском смысле, но что самое главное, в человеческом и литературном.

Людмила Яковлевна и Виктор Ихилевич Штерн предпочитают общение без отчеств. Это не принято в Америке, а они во многом — истинные американцы и по сроку пребывания в стране, и по свойственному этой стране свободомыслию. Мне трудно и, признаться, даже во многом невыносимо употреблять в этой заметке прошедшее время. Я — «безнадёжный гуманитарий» — как определялся подобный типаж в легендарной уже газете «Новый Американец» времён Довлатова, Бродского и самой Люды Штерн, сотрудничавшей с этим полномерно культовым в истории эмиграции изданием. Соответственно, будучи этим самым безнадёжным гуманитарием, хотя и обученным изначально в юридической магистратуре, и затем — за долгие уже годы адвокатской практики различным премудростям словесной эквилибристики, я не буду рассуждать здесь о нюансах квантовых теорий, параллельных реальностей и прочем, в чём разбираюсь более чем поверхностно. В это невозможно поверить, но Люды физически нет с нами с июня 2023-го. И это — невыносимо горько, свежо и больно. И потому здесь будет представлено в основном настоящее время, пусть даже и в недавних реминисценциях.

Это скорее некое исключение, частично подтверждающее правило, но вопреки преобладающим среди культурологов иммиграции мнениям, не все из нас, оказавшихся в Америке в 70-х и 80-х годах минувшего века, в позднем детстве или раннем отрочестве спешили расстаться с книгами, уже к тому времени прочитанными, и, соответственно, с тем языком, на котором они были прочитаны изначально. Может быть, это и было как-то подсознательно диктовано некими чувствами противоречия и ещё чем угодно, в этом каждый из нас потом либо разбирался, либо не разбирался сам, следуя или не следуя знаменитому стихотворению Юрия Левитанского. Но среди моих давних друзей с того времени и до сих пор Людмила Штерн и её тогдашнее литературное окружение в Бостоне и Нью-Йорке были чрезвычайно интересны. Мы читали «Новый Американец», «Панораму», «Континент», «Грани», «Время и Мы»,

ещё тогда, в 80-х восхищались филигранной прозой Довлатова, уникальной поэзией Бродского и завораживающей культурологической публицистикой Штерн.

На рубеже 80-х и 90-х мировые реалии стали существенно меняться. Вдруг не стало Берлинской стены, и, вместе с ней, казалось, что навсегда исчезало мракобесие. В ретроспективе становится понятно, что так, увы, только казалось. Книги, которые нам повезло своевременно прочесть исключительно потому, что мы жили на Западе, стали постепенно появляться в уже обречённом на исчезновение, но ещё не догадывавшемся об этом Советском Союзе. Людмила Штерн в это время уже оказалась по праву востребованной в мейнстриме американской публицистики. Мы внимательно следили и с радостью читали её блестяще написанные статьи в одном из самых популярных американских журналов Conde Nast Travel. Из того времени мне очень запомнились её потрясающие путевые заметки об Италии и Франции. Чуть позже, особенно и навсегда — о магической Искии. Интригующим и любопытным оказался очерк о первом приезде Людмилы в перестроечную, горбачёвскую Москву. Мы тогда и сами с моими друзьями — ещё мысленно робко — уже не исключали для себя периодических временных возвращений в географию, покинутую когда-то в раннем возрасте «навсегда». А Люда тогда уже съездила и вернулась без особых иллюзий, мастерски подметив и проанализировав детали, по сути — заглянув в будущее.

Возвращения. Их необходимость зачастую под вопросом. Основная прелюдия к любому существенному возвращению, как правило, сомнение в целесообразности. Особенно после ставшего крылатым, претендующего на истину, шестидесятнического изречения кумира поколения — Василия Аксёнова в «Пора, мой друг пора»: **«...никогда не посещайте вновь старых башен, где когда-то вам было хорошо»**. Мало кому удаётся столь точный, лаконичный и вместе с тем всеобъемлющий контраргумент в этом вопросе, как Людмиле Яковлевне:

«Мы возвращаемся на старое место, чтобы вновь обрести себя. Ни один сейф не хранит сокровища так надёжно, как место, — где мы любили, плакали и радовались, — хранит наши бывшие чувства и настроения. Долгие годы прячутся они, невидимые, в подъезде старого дома, в зарослях старого леса, у подножья горы или в степной траве, и, как клочья тумана, поднимаются при нашем приближении... Каждый раз, когда мы бродим по старому лесу, на ветвях застревает частица нашего существа.

И много лет спустя, словно паутина вдоль дороги, давно угасшие чувства ложатся нам на лицо. Воспоминания покрывают землю, словно осенние листья. Мы бредём по собственному прошлому».

Моё возвращение за океан, в страну, ставшую наследницей рухнувшего Советского Союза, возвращением толком и не назовёшь. Я родился в Киеве и покинул географию своей языковой среды в слишком раннем возрасте, чтобы даже с натяжкой примерять на себя глубину философских определений, приведённых как Аксёновым, так и Штерн. Стажировка тогда только что закончившего юридическую магистратуру, «свежеиспечённого» американского адвоката-международника в Лондон, в британскую юрфирму «с вековыми традициями» очень быстро оказалась длительной командировкой в недавно открытый московский офис этой фирмы. Альтернативой мог бы стать и алмаатинский. Это если о неисповедимости последствий вовремя не утраченного языка. А вот с тех пор частые и, как оказалось, органично необходимые для меня возвращения в родной Киев не раз, по прошествии некоторого времени, заставляли задумываться о приведённых выше формулировках как Василия Павловича, так и Людмилы Яковлевны. Но сейчас не об этом.

И Москва, и Ленинград (как предпочитают называть город на Неве и Люда, и Витя) находились тогда в последних штрихах так и не сбывшейся свободы. Полагаю, мне и какому-то количеству моих сверстников-экспатов с не менее временно востребованными там и тогда профессиями повезло застать в этих городах остатки ни с чем не сравнимой творческой атмосферы. Но главное, в частности мне, полагаю, в некоторой степени судьбоносно, выпало счастье знакомства, общения и даже дружбы с совершенно удивительными людьми, чьи имена ещё при их жизни вошли в мировую историю литературы и театра. Рекомендовавший меня тогда, в конце минувшего века, в Союз Писателей, добрейший поэтический гений Генрих Сапгир, однажды за ужином у него дома спросил, знаком ли я в Америке со Штернами. Увы, пришлось признать, что знаком я с ними не был.

Их круг метрополисов американского восточного побережья был, по сути, кругом небожителей — Бродского, Барышникова, Романа Каплана. Я жил в Чикаго, городе прекрасном, но далёком от Бостона и Нью-Йорка и, хотя периодически бывал в этих городах и уже относился к своим литературным опытам всерьёз, периодически участвуя в литературных мероприятиях в Филадельфии, в Бостоне и в Нью-Йорке, был даже уже

опубликован в выходящих в этих городах значимых литературных журналах... Но при этом со Штернами я знаком не был.

Вернее, заочно конечно же был, в основном, с Людмилой Яковлевной. По её публикациям в периодике, о которых уже упоминал, и, по крайней мере, двум книгам, вышедшим в те времена в эмигрантских издательствах задолго до того, как они были переизданы в метрополии. Это опубликованная в Нью-Йорке книга «*По месту жительства*», и две книги, изданные в необычном нью-джерсийском издательстве «Эрмитаж» Игоря Ефимова — «*Под знаком четырёх*» и «*Охота к перемене мест*». Её стиль письменного повествования как в публицистике, так и в прозе — особенный, штучный, органично присущий только ей. Этот стиль запоминается редким симбиозом мастерски выстроенного сюжета, живого, искрящегося языка и неподражаемой фирменной — Людиной — иронии, основанной на высококлассной эрудированности и тончайшем чувстве юмора.

Рискую предположить, что именно это самое непревзойдённое чувство иронии у Людмилы Яковлевны и позволило нашему многолетнему тёплому общению состояться. Всякий, внимательно читающий книги этого автора, осознает её бескомпромиссное отношение к пунктуальности. Уважение ко времени — своему и чужому — весомая отличительная черта Люды. И эта скрупулёзность присутствует не только в её произведениях, но и в её реальном каждодневном порядке вещей:

«Время — необратимо. Я испытываю к течению времени мистический ужас и глубоко уважаю и своё, и чужое. Я ни разу в жизни не опоздала на свиданье, на работу, к врачу, на поезд или самолёт. Я чувствую физическую неприязнь к опаздывающим людям.»

Это было весной 2015-го. В одном из, ставших уже литературно-сюжетными, пригородов Майами мы пили кофе с известным флоридским адвокатом и обсуждали общий рабочий проект. Коллега — как и полагается известному адвокату со стажем — досконально сведущ в политике и литературе. Закончив обсуждать этап непосредственно наших с ним рабочих моментов, поверхностно-шутя коснулись и очередного гамбита политиков, в ту, казалось бы, ещё сравнительно вегетарианскую пору. И вдруг он спросил — а ты свою новую книгу стихов Штернам уже дарил? И мне в очередной раз пришлось признаться, что мы со Штернами не знакомы...

Мои родители перебрались в прибрежные окрестности Майами от чикагских ветров и прочих курьёзов Мидвеста достаточно давно, следуя

тенденции многих своих сверстников из больших северо-восточных американских и канадских городов. У них там, за некоторым исключением, достаточно интересный круг общения. На следующий день за завтраком, после приведённого выше диалога с коллегой, мама спросила меня не без доли присущего ей в общении со мной сарказма: «А как Штерны относятся к твоей литературной деятельности?» Я, наверно, с выглядящей со стороны стоически-сардонической улыбкой ответил, стараясь оставаться в заданном саркастическом направлении, что они о таковой моей деятельности, скорее всего не осведомлены.

Однако, в стечении повторяющихся обстоятельств явно имела место быть цитата из известной, опять же шестидесятнической песни американских бардов Саймона и Гарфункеля, смысл которой в вольном переводе, в общих чертах о том, что слова пророка написаны на стене нью-йоркской подземки... И я решил попросить номер телефона Виктора Ихилевича и Людмилы Яковлевны у нашей общей доброй знакомой. Давая мне номер, знакомая предупредила — только будь проще, им претит пафос, и обращение к ним по именам — Люда и Витя — им больше по душе, чем твой обычный изначальный формализм с изысканным пиететом.

Здесь, пожалуй, уместно краткое отступление: до семилетнего возраста моим воспитанием больше других занималась бабушка, сумевшая в 41-м чудом спасти часть нашей семьи от горькой участи ухода в Бабий Яр, постигшей другую и большую её часть. Для бабушки скромность, уважительное отношение к старшим и отсутствие того, что она презрительно называла «ячеством-себячеством», были основными качествами воспитанного человека. Родители потом добавили в арсенал моего воспитания ещё несколько важных на их взгляд штрихов. С остальными составляющими шкалы ценностей собственного мировоззрения лет с двенадцати, сроком, совпавшим с отъездом из СССР, я уже вполне уверенно разбирался сам. Одна из моих любимых книг Людмилы Штерн и, по сути, уже лет пять являющаяся для меня настольной — это сборник её воспоминаний под названием «Жизнь наградила меня».

В этой книге много мудрых и добрых мыслей, в том числе касающихся общения с «известными и великими». Без каких-либо сравнений, ибо, естественно, всё относительно или если по-английски — in the eye of the beholder. Но тем не менее, великие и известные — прежде всего люди со своими настроениями, предпочтениями и не всегда праздничной рутинной каждодневности. Благодаря обоим моим основным составляющим — юридической и литературной — на разных этапах времени я был и продолжаю быть знаком с некоторым количеством личностей, относящихся

к категории известных и даже великих. Безотносительно объективных категорий, чем старше я становлюсь, тем больше осознаю, насколько бесценной и невозполнимой величиной является время. В смысле его наличия или скорее отсутствия. Время по праву требует уважения к себе.

...Заполучив телефонный номер Штернов, кажется, в одну из пятниц, посреди ясного и по-летнему жаркого весеннего дня я позвонил. Трубку взяла Люда. Я представился. Она сказала — приходите. Я спросил — когда? Она сказала — сейчас. — Мы с Витей как раз на улицу вышли, на море. Я решил, что по кромке океанского прибоя, романтично так до них и дошагаю, благо — это совсем рядом, двадцать минут ходьбы максимум. Заодно с мыслями соберусь для общения. Но, будучи в некоторой эйфории от предстоящей встречи, упустил из виду особенности южной Флориды, в том числе непредсказуемые шутки тамошней метеорологии. Через пять минут ходьбы «тьма пришедшая...» в моём случае отнюдь не со Средиземного моря, а с океана, со стороны коварной Кубы, превратила ясный день в сущий армагеддон из чудовищного дождя и штормового ветра. Я с трудом извлёк из кармана мобильный телефон, снова набрал номер, пытался перекричать стихию и что-то объяснять про обстоятельства погоды. — Значит в другой раз, — сухо сказала Людмила Яковлевна и повесила трубку.

Другой раз наступил в мой следующий приезд, осенью того же года. В тех краях есть чудесный кинотеатр, специализирующийся на артхаусном, особенно европейском кино. И тогда в нём по счастливому совпадению шла ретроспектива Жана-Люка Годара. Я решил, что Штернам это будет интересно и снова позвонил. Трубку взяла Люда. Я скороговоркой напомнил, кто я, и спросил, интересуется ли их Годар. После небольшой паузы Людмила Яковлевна поинтересовалась, сверил ли я свои амбициозные киноведческие планы с прогнозом погоды, осведомилась, смогу ли я за ней заехать, назначила время и выразила твёрдое желание, чтобы я был вовремя. Я уже прочёл все вышедшие к тому времени книги Людмилы Штерн и приведённую выше цитату о времени знал наизусть. Пообещал быть вовремя. Если идти по берегу до дома Вити и Люды мне было минут двадцать, то ехать на машине минут пять. Я выехал за полчаса... И безнадежно застрял в искусственно созданной местными полицейскими пафосного городка без тротуаров пробке. Этот городок, находящийся между Санни Айлс и Халландейлом, известен некими странностями, в частности, своей многочисленной полицией, чуть ли не равняющейся количеству всех его жителей. Но я опять отвлекся.

К назначенному Людой времени я опоздал на десять минут. Штерны в полном составе из двух персон стояли на улице. Я подъехал, открыл

окно и тихо поздоровался. Они вежливо ответили. Затем Люда сообщила мне, на сколько я опоздал и явно собиралась со мной навсегда попрощаться, так толком и не познакомившись. — Видите ли, — обращаясь ко мне по имени, сказал Витя, — Люда очень хорошо относится к Годару и уже настроилась на встречу с его творчеством. Я сегодня занят и поехать с ней в кино не смогу. Она поедет с вами. Надеюсь, что вы знаете дорогу к кинотеатру и не опоздаете на сеанс. Он галантно открыл пассажирскую дверь, помог Людмиле Яковлевне устроиться в салоне, вежливо откланялся, закрыл дверь и зашагал к дому. — Я очень хорошо отношусь к Годару, — Людмила Яковлевна подтвердила фразу Виктора Ихилевича и улыбнулась. С тех пор, за семь с лишним лет нашей со Штернами дружбы я не опоздал в их флоридский дом с итальянским названием ни разу.

Я люблю проезжать на парковку этого дома через немного старорежимный шлагбаум или подходить к нему со стороны океана. У него несколько странная нумерация квартир, не во всём и не всегда соответствующая нумерации этажей. Там есть лифт, но мне кажется, что он — декоративный. Я люблю подниматься на этаж Штернов пешком. Иногда это бывает в час волшебного южно-флоридского заката. На площадке каждого из лестничных пролётов как на ладони виден океан. Каждый раз особенный, каждый раз неповторимый, и каждый раз присутствует предвкушение разговора, так же особенного и неповторимого. Как много для себя нового в каждом из этих разговоров я узнавал о литературе и прочих интереснейших темах. И не только о Довлатове и Бродском, и всей литературе минувшего и этого века, о которой и Люда и Витя не просто знают досконально, они принимали в ней непосредственное участие...

Я уже упоминал в начале этих заметок, что здесь по возможности не будет прошедшего времени. В этом доме с итальянским названием присутствует также близкий друг Штернов по Ленинграду и Нью-Йорку — удивительнейший Рома Каплан. Он, кажется, обитает этажом выше или этажом ниже. Он всё тот же дэнди, что приветствовал нас в начале века в их с Бродским и Барышниковым единственным во вселенной манхэттенском оазисе — «Самоваре» — своей фирменной сакраментальной фразой: — О, поэты пришли!.. Хотя некоторые из нас и тогда, и даже порой сейчас не уверены, что это звание звучало по адресу. Хотя Роман Каплан, наверно, как никто знал, кого называть поэтом, а кого нет... Он как никто мог часами читать хорошие стихи наизусть... Здесь, в квартире Штернов, в их общем доме на океане, Рома несколько иной, чем в Манхэттене. Я люблю просто слушать их троих, когда они разговаривают, как говорили наверно в своих шестидесятих, в своём Ленинграде. И благодарен провидению, что мне дано при этом присутствовать.

Штернов любят на этом маленьком прибрежном кусочке Флориды между Майами и Форт-Лодердейл. Любят в основном очень искренне. Порой Штерны и есть единственное общее, что объединяет людей их окружения. Особенно в последнее время, когда столь беспардонно в отношении между людьми вмешались нюансы внутренней американской политики. Кто бы мог подумать, что это станет острым камнем преткновения. И всё же — не об этом. Штернов любят. За многое, что подразумевается и обычно не произносится вслух — за благородство, врождённую, истинную интеллигентность за искренность, за то, что они такие, каких, пожалуй, больше и нет — воистину — one of a kind.

В недавние времена пандемии мы не виделись больше года по глобально понятным причинам. В ретроспекции осознания — это очень долго. В илинойской своей изоляции я перечитывал книги Люды, делился прочитанным с женой Аней. И даже нашёл в то время электронную версию книги Вити — потрясающе написанный, всемирно востребованный учебник по C++. Понял только, правда, великолепно написанное предисловие. Но я ведь предупреждал — что безнадёжный гуманитарий. Тем не менее, во время пандемии мы чаще чем обычно говорили со Штернами по телефону. Не знаю как им, но мне общение с ними было органически необходимо. Однажды они по телефону диктовали нам с Аней рецепты фирменных киров — *Алиготе*, *Рояль*, *Империал*, которые однажды до ковида мне посчастливилось дегустировать у них во флоридском доме с итальянским названием.

А затем недобровольное глобальное затворничество как-то почти внезапно прекратилось. Авиаперелёты перестали считаться подвигом одержимых, и я опять стал часто бывать у родителей в райском уголке становящегося всё более неоднозначным южного штата. И снова с радостью слушал Штернов, а порой даже вкушал гастрономические яства, мастерски приготовленные Витей с участием Люды. Мы сделали с ними совершенно уникальную Zoom встречу на нашем You Tube портале «ОкМост» в мае последнего довоенного года, где и Витя, и Люда столь вдохновенно говорили о литературе уже не только со мной. Этот эфир с ними стал откровением для многих.

Но в воздухе уже витали беды иного рода, чем пандемия... Немыслимая война, в которой Россия варварски напала на Украину, чем потрясла и изменила восприятие о себе всего цивилизованного мира, частью которого она после этого перестала быть. Я, наверное, в силу обстоятельств, один из немногих, кто видел и осознавал, как тяжело переживали Люда и Витя этот трагический виток новейшей истории и цивилизационного отката в эпоху массовой гибели людей в той самой, не чуждой

нам всем географии. Мы продолжали говорить о книгах, обсуждать кинематограф, но в свете тех самых неумолимых обстоятельств всё это стало казаться вторичным и второстепенным.

В том году мы виделись чаще, чем когда-либо. Зимой, после командировки в Нью-Йорк, я не мог дождаться, чтобы прилететь во Флориду и рассказать Люде с Витей о потрясающем спектакле, который мне с подачи Ани удалось посмотреть в манхэттенском арт-центре Барышникова, и что мне даже повезло познакомиться и пообщаться с самим Михаилом Николаевичем после спектакля... Вернее, с Михаилом, потому что их круг давно в Америке предпочитает имена без отчеств. И Люда сказала — да, мы говорили с ним сегодня... О здоровье. Обоюдном...

А когда мы встретились весной, и я подарил им только что вышедшую в Киеве свою новую книгу, они попросили меня прочесть из неё, и это тоже стало для меня дорогим откровением. Штерны даже сделали так, чтобы в начале июня я представил эту книгу именно в «Самоваре». Без их деликатного, только им свойственного участия этого, скорее всего, не произошло бы. Витя и Люда, истинные кошатники, расспрашивали меня о нашем коте-киевлянине, пережившем не один ракетный обстрел и даже одно ранение перед тем, как мы с Аней через Польшу забрали его в Чикаго. И ещё в том самом июне, по телефону я успел рассказать им, как прекрасно с их подачи прошла эта презентация в «Самоваре»...

Присутствие Люды в квартире флоридского дома с итальянским названием не прекратилось после её ухода. Полагаю, что это присутствие преобладает и в их с Витей любимых местах Новой Англии — бостонском Бруклайне и на легендарном Кейп Коде. А ещё — обязательно — на Искии и в Провансе. Я не уверен насчёт нынешнего родного им обоим города на Неве, как сам этот город бывает не уверен в своём названии и даже существовании.

Мы продолжаем видеться и беседовать со стоически старающимся не выдавать печали, истинным джентльменом-шестидесятником — Виктором Ихилевичем. Реже в Бостоне, чаще во Флориде. Но печали не отнять. В наших с ним беседах всегда, как и раньше, только теперь незримо присутствует неповторимая Людмила Яковлевна...

Я люблю Штернов. Обоих. Навсегда. Они — one of a kind.

*Sauganash, Brookline, Fontaine de-Vaucluse, Sunny Isles,
2024–2025*

Тонино ГУЭРРА
ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мы с Агаджаняном начинаем гоняться за облаками, потому что лишь под тёплыми грузинскими дождями я могу вновь увидеть героев моей истории.

Вот уже некоторое время Генерал и его пёс-денщик не беспокоят моё воображение. Поэтому их история остаётся без развития. Правда, кое-какие идеи всё же приходят мне в голову, и я набрасываю их на клочках бумаги или на оборотной стороне писем, полученных Бог знает сколько времени назад и рассованных по карманам. Теперь я уже не доверяю слепо моей фантазии. Я рассчитываю главным образом на чудесные видения, порождаемые тёплыми дождями.

Поэтому мы с Агаджаняном пускаемся в погоню за тёплыми дождями, как только кто-нибудь предсказывает их в том или ином месте поблизости от Тбилиси. Мы гоняемся за дождевыми облаками, ночуя в автобусе, завернувшись в пару одеял. Часто дорогу, по которой мы едем, смело пересекает утиное семейство. Кроме уток, на дороге хватает свиней и коров, запросто разгуливающих по асфальту. Животные настроены мирно по отношению к транспорту, они привыкли к нему за время свободного выпаса, длящегося порой несколько дней, потому что вдоль крупных артерий, вдали от домов и лугов, меньше мошкары и других назойливых насекомых и можно экономить на том, что не надо хлопать ушами и хвостами, чтобы отгонять их. Мы проезжаем город Рустави с угольно-чёрными листьями деревьев перед большими современными зданиями, закопчёнными от сажи, выбрасываемой дымовыми трубами

* Окончание. Начало в № 2

и непрерывно работающими доменными печами. Рекламы кинотеатров, сияющие огнями даже среди бела дня, заывают на остроумные комедии, к огорчению женщин, спешащих домой, в то время как мужчины кучкуются в закусовых, откуда направятся по домам, держась под руки, чтобы скрыть неустойчивость походки. К нашей радости город кончается, и по сторонам дороги вновь кукурузные поля и огороды. Мы останавливаемся на обочине и шагаем в глубь зарослей тростника двухметровой высоты. С его стеблей слезает верхний слой, ощущение такое, будто мы пробираемся среди воткнутых в землю шкур длиннющих змей, сброшенных ими в период смены кожи. Мы ищем источник «Три сестры», названный так, потому что он представляет собой торчащие из земли три железные трубы, по которым на поверхность поднимаются три разные, но одинаково лечебные минеральные воды. Рыжая земля под ногами устлана маленькими блестящими и скользкими листьями. Снизу поднимается сухой воздух, обволакивающий редкий, твёрдый до звона, словно окаменевшие деревья, тростник. Мы выходим к месту, откуда видна чаша гигантского — несколько километров в диаметре — радиотелескопа, собранного из многочисленных алюминиевых отражателей. Это огромное, устремлённое в космос ухо надеется уловить «шум» того изначального взрыва, с которым рождается Вселенная.

Агаджанян теревит в пальцах маленький листок, как бы мысленно сравнивая его шорох с «шумом», давшим жизнь всему.

— Может быть, это всего-навсего именно такой звук, — говорит он, садясь на сухую землю. — Я где-то читал, что расширение Вселенной в какой-то момент может трансформироваться в сжатие, и тогда небесные тела вновь сольются в ту единственную, загадочную точку в космосе, которая, возможно, случайно когда-то взорвалась. Во всяком случае, я хочу тебе сказать, что если бы было достаточно звука от растираемого мною сухого листа, я бы уничтожил сейчас пространство-время, всё сжалось бы в долю секунды — крики пещерных жителей, ещё более ранний хриплый рык динозавра, голос Данте, колыбельная Брамса, которая вот уже двадцать лет звучит у меня в голове, и самые последние слова, сказанные нами.

— После таких слов ощущаешь себя уже покойником.

— Нет, напротив. Лично я бы не возражал оказаться сейчас, скажем, на Монмартре, среди детей, которые наблюдают за работой какого-нибудь художника, с детства чувствующего тягу к искусству. Я в детстве всегда за кем-нибудь наблюдал. Больше всего меня привлекали художники и фотографы. Я видел, как они, рисуя или снимая покойников, усаживали их и подпирали веки спичками, чтоб те казались живыми...

— А я как раз хотел бы остаться здесь, где могу валяться, сколько хочу, на высохшей траве... — бормочу я сонно, но с отчаянной уверенностью.

И больше нет прошлого, прожитого мною, и того подобия будущего, которое меня ожидает... а есть что-то ошибочное в основе всего человеческого рода, обречённого повторять одни и те же поступки и бороться с хаосом... хаос — это, наверное, то, что почитается сегодня больше всего... если моя дочь вот уже десять лет не разговаривает со мной, вероятно, она нуждается в хаосе, который я не могу ни представить, ни понять... а с другой стороны, Вселенная — это порядок, если уж ей, как видишь, удаётся поддерживать тот уникальный «шум», из которого она взяла начало...

Агаджанян на несколько минут оставляет меня дремать и возвращается с початками молодой кукурузы, сорванными им со стеблей. Мы разводим огонь и варим их в обычной алюминиевой миске.

— Нет ничего лучше скромной пищи, — говорит он мне, — картошка, каштан, чеснок, лук, зелень... Если ты ешь фазана, то ешь фазана и только. Воображение не работает.

Мы входим в лес и бредём едва различимыми тропинками. Время от времени с высоченных диких груш падают созревшие плоды, маленькие, но очень сахаристые. Мы не единственные, кто их подбирает. То и дело рядом с нами оказываются коровы, забредшие сюда покормиться во время своего вольного выгула. Мы выходим на поляну, заросшую высокой пожухлой травой, и оказываемся перед дощатой лачугой, где и находится источник «Три сестры». Его целебные воды или пьют, или подогревают для горячих ванн в бассейнах, выложенных старинными турецкими изразцами.

Мы ждём, когда закончит купание группа крестьян, пришедших сюда из затерянной горной деревушки. В основном это старики и дети, скорее всего родственники или во всяком случае очень близкие друг другу люди, долго живущие бок о бок. Одни присматривают за огнём под огромным чугунным котлом, другие следят за подогревом воды. Из лачуги по длинной цепи в кухонных кастрюлях и вёдрах прибывает вода из источника и тем же путём возвращается обратно, но уже горячей. Когда семейство появляется со всеми своими сосудами, засунутыми в корзины, одетое и готовое возвращаться в деревню, мы располагаемся у огня, подкармливая его сухими ветками, валяющимися рядом. Крестьяне одалживают нам для водных процедур свои кастрюли, а сами усаживаются под развесистым ореховым деревом перекусить хачапури и баклажанами, сдобренными ореховым соусом. Вечером мы уходим вместе с ними. В какое-то мгновение лес и всё вокруг наполняется ду-

шераздирающим мычанием. Это мычат от боли в разбухших выменах коровы, которых никто не желает доить из-за их невкусного, приторного молока. Не сговариваясь, от нашей группы отделяются старухи, видимо, охваченные жалостью, они идут помочь бедным животным. Вскоре коровьи стоны прекращаются, а мы продолжаем путь. Расходимся мы на самой середине косогора, на скрещении троп. Простой взмах руки — им прощаются люди, которым вряд ли ещё суждено увидеться.

В Зугдиди нас прихватывает гроза, на сей раз это осенний дождь с ветром, срывающим с деревьев орехи. Они падают на асфальт проспекта Руставели. Тогда мы решаем направиться ближе к побережью Чёрного моря, ещё прогреваемого солнцем. Мы останавливаемся на набережной Сухуми. Небольшие, разбухшие от тёплой воды тучки блуждают по безветренному небу. Вероятно, их гоняют высотные воздушные потоки. Прямо перед нами галечный пляж, на нём сотни лежаков, сдвинутых вместе так, что кажется: это одна длинная деревянная решётка. Мы выходим из машины и спускаемся к морю, двигаясь среди этого деревянного пространства, похожего на необъятную верхнюю пароходную палубу.

Рядом с нами самым загадочным образом появляется мальчишка. Сначала возникает неясная тень в контражуре — тень, растворяемая светом, некий мутный сгусток, перемещающийся вдоль линии скамеек. Затем какие-то части тени обретают плотность, иногда это лицо, иногда — тело. Он идёт медленно, легко перепрыгивая с лежака на лежак. И вот мальчишка перед нами, смеётся и поигрывает мышцами груди, обтянутой лиловой майкой, ниже — джинсы местного производства, слегка широковатые на бёдрах и узкие внизу на лодыжках загорелых ног. Агаджанян отворачивается к морю, как бы отказывая самому себе в удовольствии от этой встречи. Давид, так зовут мальчика, сторожит пляжные лежаки и скамейки. Потому что, особенно с окончанием сезона, кто-нибудь да пытается разобрать их на дрова и поджарить на их обломках первые каштаны. Мы с Агаджаняном умолкаем, чтобы не перевозбудить мальчика, и без того возбуждённого любопытством. Когда мы вспоминаем о нём, он спит, растянувшись на скамейке. Я оставляю Агаджаняна одного, молчаливо стоящим на лежаке рядом со спящим мальчишкой. Солнце заходит...

Тем временем облака отошли к северу, и мы вновь в дороге. Тянувшаяся вдоль моря, она затенена огромными эвкалиптами, осушившими последние болота своей постоянной жаждой. И вот Лизава, правда, лишённая того великолепия, какое присуще ей в разгар сезона. Вдоль берега свежие свиные экскременты, гниющие потроха, сухие навозные лепёшки, оставленные коровами на пляже, зажатом между морем

и спускающимися к нему холмами. Редкие люди, уединившись, загорают в трусах, вызывая в памяти фотографии прошлого века. Одни лежат голыми спинами на тёплых камнях, другие свернулись в тени рубашек, подвешенных на воткнутых между камнями палках. Арбузные корки, яичная скорлупа, обрывки бумаги, щепки и посреди всего — общественная уборная в облаках вони и мух. Вдоль дороги натянута сеть, которую бодают одуревшие от жары козы, а чуть дальше — лачуги азербайджанцев, жующих чеснок зубами в золотых коронках. Рядом с рыбоконсервной фабрикой — парк, обнесённый забором из металлической сетки, среди этого загона для скромных развлечений четверо проржавевших качелей, на которых качаются стар и млад. Гул моря катится по побережью, затухая в щелях между камнями. Я ловлю себя на мысли, что не открываю новых, прежде не известных мне мест, а путешествую во времени. Сейчас вокруг меня 1910 год, и мне кажется, что я уже бывал здесь. Время, даже если ты и не жил в нём, ощущается более всего на побережье, которое ты и в глаза не видал.

В сосновой роще — прекрасные дачи грузинских писателей рядом с заброшенными и покосившимися деревянными халупами. Калитки, словно пьяные, навалились на изгороди, такие же высокие, как и забор вокруг правительственной дачи, обращённой фасадом к собственному пляжу, на котором почти никогда никого не бывает, кроме чаек, отдыхающих здесь от отдыхающих. Среди этих чаек приземлился однажды вертолёт, прилетевший забрать Хрущёва в день его смещения с должности.

Недалеко от этого места, рядом с лежащим на пляжной гальке пьяным мужчиной сидит парень лет двадцати пяти. Его зовут Мушек. Он утешает старшего брата, который сетует на то, что после четырёх лет, проведённых в тюрьме, не может больше выносить этой бессмысленной жизни на свободе. Он и напился-то, чтобы забыть жену, детей, родных. Единственное, что ему хочется, это вновь увидеть своих друзей по заключению и обнять их, ради этого он готов даже на убийство. Когда Мушек видит нас, ступающих по камням, он некоторое время идёт за нами, как будто находит в этом столь необходимое ему примирение с ситуацией, в которой он оказался из-за любви к брату. Узнав, что мы ищем гостиницу, он вызывается проводить нас. По дороге Мушек рассказывает, что он армянин, сейчас учится на шофёра. И надеется когда-нибудь отвезти бутылку ереванской воды на могилу бабушки, умершей на Украине, куда она поехала навестить сестру. Бабушка попросила Мушека перед смертью, чтобы он хоть полил водой родины землю, где она будет покоиться. Мы утоляем голод кукурузной кашей, копчёным мясом и запиваем всё настоящей на мяте водой. Когда Мушек поднима-

ется, чтобы пойти заплатить за еду, он видит, что Агаджанян опередил его. Мушек останавливается поодаль от стола, там, где последние лучи солнца пробиваются сквозь ветки платана, и говорит с горечью:

— Вы не должны были дать мне почувствовать, что я простой шофёр, хотя бы сегодня!

Он уходит к своему грузовику, оставив нас в тот момент, когда нам приносят с пылу с жару початки кукурузы.

Мы вновь пересекаем Мингрелию с целью добраться до долины Куры, знаменитой своими минеральными водами. Я бросаю ломать голову над историей Генерала и возвращаюсь к своим болячкам. Мучившие меня фурункулы и красноватые пятна по всему телу почти полностью исчезли. Мы проезжаем бескрайние чайные плантации, и у Агаджаняна появляется идея навестить княгиню Чивадзе, которая живёт неподалёку, удалившись от света, в старом, но очаровательном дворце. Её прапрадед, знаменитый князь Георгий Чивадзе, имел обыкновение во время прогулок посылать вперёд мальчика с серебряной иконой, прибитой к длинному шесту, с тем, чтобы очищать воздух от болезнетворных бактерий.

Парадный вход огромного дворца в стиле «либерти». Это едва различимые среди переплетённых между собой стволов широкие двери из разъеденного жучками, потрескавшегося дерева. В таком же состоянии окна и балкончики как бы со вспухшими перильцами, вздымающиеся к небольшому центральному куполу, гулкому, словно печной горшок, и крытому ржавой жостью. Скоро и её последнее сопротивление ослабнет настолько, что любая капля воды, подобно пуле, легко пробьёт хрупкую металлическую паутину. Княгиня Чивадзе принимает нас в кухне. Она стоит у окна спиной, очевидно, чтобы с первого момента дать почувствовать нам хотя бы иллюзию былой власти. Затем она поворачивается с осторожностью старости, скрытой под грязным одеянием, которое носит царственно, как если бы это было парадное платье. На верёвке, поддерживающей юбку, висит гроздь ключей, должно быть, ими открываются комнаты её полуразрушенного дворца. Сама она занимает только две из них, почти пустые и с грязными полами. Агаджанян изображает еле заметный поклон, отставив назад правую ногу, целует руку старухе и представляет меня:

— Мой итальянский друг, писатель. Я взял на себя смелость познакомиться его с вами.

— Что вас сюда привело? — спрашивает старуха, глядя на нас свысока.

— Мы ищем тайные деревянные храмы, которые строили монахи-отшельники во времена турецкого нашествия.

— Мне они тоже часто снятся, но не больше.

— Не могли бы мы, по крайней мере, осмотреть ваш... храм... этот бесценный дворец?

— Мне не хотелось бы бродить по тропам моей памяти. Я слишком устала.

— Не беспокойтесь, мы можем посмотреть дом сами.

Княгиня садится на кучу тряпок, под которыми, судя по проступившим очертаниям, погребено кресло. Только сейчас я замечаю, что она боса.

— Я хотела бы оградить вас от большого разочарования. Вот уже много лет я ощущаю, как дом разъедают древесные черви. Я знаю, что, как только откроешь двери и окна, мебель может рассыпаться и превратиться в прах. Так уже было, когда я открыла комнату, выходящую в сад, она звалась «комнатой царицы». Я распахнула окно и обернулась, на моих глазах белая мебель имперского стиля рассыпалась в пыль, и на стенах остались лишь её очертания. Если желаете насладиться подобным спектаклем — вот ключи.

Видя, что мы не берём их, княгиня поднимается, бросает на пол сырую тряпку и ногой возит ею по полу в надежде стереть грязь. Потом говорит, что в доме мало еды: четыре помидора, луковица, стручок перца и пучок петрушки. И тут же принимается учить старуху-служанку, как порезать помидоры и луковицу. Затем распоряжается покрошить петрушку и перец, чтобы ими посыпать дольки помидоров. Агаджанян просит разрешения сфотографировать две миниатюры с изображением генерал-губернатора Дидиани с семьёй. Агаджанян показывает княгине альбом фотографий, на которых запечатлены знатные грузины, а также редкие ценности, принадлежавшие выдающимся лицам. Когда он просит разрешения сфотографировать и княгиню, она предоставляет ему это удовольствие лишь после того, как накидывает на голову расшитую шаль, бывшую когда-то царской. Мгновение спустя служанка, шаркая ногами, приносит нам по чашке чая и широкому листу платана, которые княгиня использует в качестве салфеток.

Прежде чем попрощаться, княгиня советует нам познакомиться со старым Чабуа, большим мудрецом, который живёт в долине Сета, тянущейся вдоль реки Бзыбь.

Казалось, что до долины рукой подать, тем не менее мы добираемся до неё целый день, шагая вдоль берега реки и продираясь сквозь рощу тутовника, почерневшего и высохшего ещё лет сто назад. В старину шелковичные черви обвешивали каждое дерево коконами, и женщины из ближайших деревень приходили собирать их в мешки. Коконны опу-

скали в котлы с кипящей водой, стоявшие на отмели реки. После чего удавалось распутать шёлковые нити и смотать их в клубки, которые отвозили продавать на шёлковые рынки в Кутаиси. Сейчас тутовые деревья стоят сухими, и земля вокруг усеяна ветками, падающими со звонким стуком костей, теряемых толпой скелетов.

Мы принимаемся искать и находим большую, ещё живущую шелковицу, увешанную ягодами чёрного и белого цвета. Это — странное растение с двумя видами плодов, как если бы кто-то привил ветку белой шелковицы на чёрную. Дерево стоит посреди беспорядочно разбросанных лачуг, покосившихся от времени, дождей и непрерывного в течение долгих-долгих лет ленивого ветра и уже оставленных душевной энергией тех, кто когда-то хотел бы от всего этого защититься. Вокруг домов — дряхлые дощатые заборы, воткнутые в рыхлые дёсны сырых канав.

Чабуа сидит на свежем воздухе. Мне кажется, он ослабел от старости. Он сидит на деревянной табуретке, прислонившись к стене одной из трёх лачуг, окаймляющих двор. На нём серый халат, аккуратно заштопанный рукой человека, у которого мало одежды. Глаза светлые, кажется, голубые. На левой руке, опирающейся на колено, — рельефный пучок вен. Роща умерших шелковиц — под его опекой. Что касается живой шелковицы, то с её помощью он предсказывает судьбы влюблённых. Для этого он использует большое полотнище, сшитое из широких полос марли для гипсовых повязок. Полотнище натянато под листвой дерева, словно большой горизонтальный парус и прикреплено к углам лачуг, окружающих двор. Таким образом, ни листья, ни созревшие плоды, ни экскременты птиц, сидящих по вечерам на дереве, не падают на утрамбованную площадку двора, которую Чабуа время от времени вычищает с помощью маленькой метёлки. Над его головой шевелятся тени всего, что попадает на мягкий, молочного цвета потолок. В этом, по всей вероятности, главное назначение защитного марлевого сооружения. Кроме всего это ещё и примитивный, но эффективный способ сбора созревших ягод, которые сбивают птицы, прыгая с ветки на ветку. И наконец, это тот самый «прибор», с помощью которого Чабуа выносит вердикт о судьбах обручённых. Там, где большой парус образует впадину, прорезана дыра, к ней пришит рукав от пиджака, заземлённый бельевой прищепкой.

— У вас есть дочь, которая выходит замуж? — едва слышно спрашивает старик, когда мы усаживаемся рядом с ним. — Или сын?

— Нет, мы просто любопытствующие, — отвечает Агаджанян.

— Тогда вы пришли слишком рано.

— А когда надо?

— На закате.

ДЕСЯТЫЙ КРУГ

ЖИЗНЬ, БОРЬБА И ГИБЕЛЬ МИНСКОГО ГЕТТО

Давид Гай

Документальная повесть «Десятый круг» рассказывает о жизни, борьбе и гибели Минского гетто — одного из крупнейших на территории Советского Союза и Европы в годы Второй мировой войны.

В этом году мир отмечает 80-летие окончания Второй мировой войны. Отмечает по-разному. Далеко не все вспоминают трагедию евреев Европы, более 6 миллионов которых были уничтожены: расстреляны, сожжены в газовых камерах. Выросли новые поколения, для которых Холокост и его последствия выглядят историей, изучать которую и познавать полезные уроки мало кто собирается.

Минуло почти 35 лет после выхода в свет первого издания книги, выпущенного в Москве сотысячным тиражом. Но как оказалось, сейчас эта документальная повесть звучит еще более актуально, чем тогда, в 1991-м. Забвение Холокоста и его уроков новыми поколениями, антисемитизм во всех проявлениях — такова реальность сегодняшнего мира.

Эта уникальная книга вобрала в себя голоса тех, кому выпала доля в минувшую войну пережить гетто. Пережить в прямом и переносном смысле. С большинством этих людей весьма преклонного возраста автору удалось встретиться и записать их рассказы. Уникальность книги ещё и в том, что в ней подробно рассказывается о том, как Минское гетто боролось, как действовало подполье, как сотни узников уходили в белорусские леса и пополняли партизанские отряды. Существовали целые еврейские партизанские отряды.

Время не властно над памятью. В этой повести память о гетто расщепилась на многие десятки человеческих свидетельств — прямых, бесхитростных и страшных. В гетто, как и в концлагерях, фашисты стремились довести людей до такого состояния, чтобы они едва могли различать добро и зло. Человек, по замыслу фашистов, превращался в животное, душа его должна была почти утратить способность проявлять нормальные чувства. Но и в такой ситуации люди (не все, но многие) оставались людьми, доказывая величие человеческого духа.

Рассказы узников минского гетто о проявлениях этого духа наиболее дороги. Память-скорбь, память-надежда, память-предостережение — вот чем наполнена повесть, которая, автор верит, будет воспринята читательским сердцем. И пусть жизнь, борьба и гибель Минского гетто напомнят о страданиях и мужестве тысяч и тысяч людей.

Приобрести книгу можно через сайт издательства:

<https://mgraphics-books.com/product/the-tenth-circle-minsk-ghetto>



**С ВОПРОСАМИ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

 mgraphics.books@gmail.com / info@mgraphics-books.com
 www.mgraphics-books.com  781-990-8778 (10 AM-6 PM)



В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕХЛЁСТНУТЫХ СТИХИЙ *Марина Тюрина Оберландер*

В новую книгу лауреата международной премии Леонардо да Винчи, Марины Тюриной Оберландер, (выпущенной в свет почти одновременно — в Киеве, издательство «Друкарський двір Олега Федорова», и в Бостоне, в нашем издательстве,) помимо стихов, написанных за последние пять лет, вошли и более ранние циклы об Украине, где Марина провела своё детство и с которой её связывают тесные родственные узы.

Поэзия Марины Оберландер на редкость визуальна. Она удивительно чувствует цвет — многие поэты обладают таким даром. Её реальность прозрачна и точна. К ней хочется прикоснуться кончиками пальцев. Её мир, «преломляясь в призме тонкого стекла», дарит нам чистоту и свежесть. Краски этой поэзии насыщены и яркие, как в безмятежном детском сне. И даже если «чёрный шар луны покоится в двурогой колыбели», этот волнующий сомнамбулический мир всегда остаётся в твоей личной Вселенной — «на остром рубеже пространства...» В стихах Марины есть настроение, вкус, глубокое содержание и музыка Слова... чувствуется совершенная отточенность, поражает отбор слов и их смысловая и поэтическая взаимозависимость и взаимосвязанность.

Отдельная и всеобъемлющая канва книги — это безусловно лирика, с которой у Марины замечательные отношения. У неё с этим жанром полная и разносторонняя взаимность. Лирика Марины Оберландер — как хорошее вино. Отвлекаться и смешивать с какой-либо иной лирикой настоятельно не рекомендуется. Кстати, редкая отличительная черта автора — лирическая самоирония.

Отрадно, когда автор на определённом этапе становления своего творчества, экспериментируя с оригинальностью подходов, обретает некую направленность, которая постепенно становится своеобразным почерком, некой отличительной чертой архитектурного построения авторских книг. У Марины Тюриной Оберландер такой отличительной чертой является музыка. Это выражается не только в структуре построения поэтических текстов, некоторое количество которых обрели также песенную ипостась. Автор «В пространстве перехлёстных стихий» привнёс из своих предыдущих книг потрясающий приём называть стихи и писать их по направлениям музыкальных терминов. Так, например, в столь непростое время, когда создавалась и готовилась к печати эта книга, Марина назвала одно из ключевых стихотворений своего нового сборника *Con Brio*. Этот музыкальный термин даже в самом названии предопределяет лучезарность, светлое направление и оптимизм. То есть, всё то, что сейчас в дефиците. И за это автору отдельная благодарность.

Приобрести книгу можно через сайт издательства:
<https://mgraphics-books.com/product/space-collading-forces>

**С ВОПРОСАМИ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

✉ mgraphics.books@gmail.com / info@mgraphics-books.com
🌐 www.mgraphics-books.com ☎ 781-990-8778 (9 AM-4 PM)

— Ни слова больше! — завопил человек на иврите и вдруг, оказавшись совсем рядом с нами, принялся нас обнимать. Я остолбенел от такой экспрессии, а Софа с видимым удовольствием подставила равнину щёку, которую он немедленно смачно поцеловал. «Ну и раввин, — подумал я, — с посторонними женщинами целуется, ишь ты...»

Михаил Гончарок

— Бля, мы уже детей убиваем? — скорее всего, себе под нос сказал Коля Политрук. Но вылетело вслух.

Он подошёл к машине.

— Что думаешь? — спросил он.

С Колей всё сложно. Он обидчивый. Но всё равно я спросил, давно хотел:

— На днях командир Лесник сказал, что ты плачешь. Наши бомбили твой Николаев, а ты ныл, как барышня.

Коля нервно достал сигарету.

— Какая-то тоска охватывает внутри... А как вспомню начало всего этого, и вообще... Там мать и сёстры...

Игорь Саликов

*А слова, хоть приклеивай скотчем,
Разбегаются, смысл потеряв,
Ошельмованы, опорочены,
Застыдившиеся словаря,
В кулаке побывав воеводином,
Так, что с ходу узнать нельзя;
Разве скажешь теперь слово «родина»,
Честно родине глядя в глаза?*

Вадим Жук

...Людмила Яковлевна и Виктор Ихилевич Штерн предпочитают общение без отчеств. Это не принято в Америке, а они во многом — истинные американцы и по сроку пребывания в стране, и по свойственному этой стране свободомыслию... Мне трудно и, признаться, даже во многом невыносимо употреблять в этой заметке прошедшее время. В это невозможно поверить, но Люды физически нет с нами с июня 2023-го. И это — невыносимо горько, свежо и больно...

Гари Лайт

...Почему книги Джоанн Роулинг пользуются такой огромной популярностью? Почему именно её благодарят за возвращение любви к чтению, за то, что миллионы детей и взрослых оторвались от компьютеров и погрузились в чтение бумажных книг про мальчика-волшебника? Думается, это произошло потому, что Роулинг сумела органично соединить романы-фэнтези с живыми реалиями обыденной жизни, часто описываемыми с юмором...

Ксения Гамарник

...В завещании Бартини просил запаять его бумаги в металлический ящик и вскрыть только в 2197 году в день его 300-летия. В завещании были странные слова: «...материя изумлённо рассматривает самоё себя в моём лице... мы ещё встретимся».

После его смерти в квартиру пришли работники секретного отдела ОКБ, всё обыскали, забрали с собой шесть ящиков бумаг, и увезли. Судьба бумаг Бартини неизвестна, подозревают, что их сожгли...

Яков Фрейдин